

О системах стихосложения (преимущественно на материале эстонского и русского стиха)*

Михаил Лотман

Памяти Яака Пылдымяэ

1. Проблема

В истории науки нередко встречается, что наиболее фундаментальные понятия являются одновременно и наиболее устаревшими, не соответствующими современному состоянию научного знания. Одним из таких основополагающих и в то же время устаревших понятий в науке о стихе является понятие системы стихосложения (в дальнейшем — СС). Утвердившись в русском стиховедении в самом начале его развития, понятие СС оставалось практически неизменным, представляясь, по-видимому, в достаточной мере очевидным.

Существует немало различных определений СС, но если отвлечься от малосущественных деталей, смысл всех их сводится примерно к следующему. СС — это:

совокупность основных принципов и правил, в соответствии с которыми производится построение стихотворной речи (Беляев 1966)¹.

* Работа над этой темой была начата еще в 1970-е годы (Лотман 1974; 1982), возможности завершения ее автор обязан поддержке Фулбрайтского фонда (грант #19951).

¹ От других, с содержательной точки зрения аналогичных, приведенное определение выгодно отличается именно своей краткостью.

Стандартный набор СС, известный еще А. Х. Востокову и Н. Остолопову, включает **метрическое** (квантитативное), **силлабическое** и **тоническое** (акцентное) стихосложение. Используются и комбинированные наименования, наиболее распространенным из которых является **силлабо-тоника**. Приведенное определение и список будем называть **стандартной теорией СС**.

Стандартная теория сталкивается с целым рядом проблем при решении как теоретических, так и дескриптивных вопросов. В теоретическом плане на первый план выступают следующие проблемы:

- (a) каково место СС в механизме стиха, каково соотношение их, в первую очередь, с факторами метрики и языковой просодики;
- (b) насколько полным является набор СС и существуют ли какие-либо критерии его полноты;
- (c) как соотносятся между собой различные СС.

В отношении (a) существует несколько принципиально между собой не совместимых мнений. Поскольку, согласно стандартной теории, в СС заключены самые основные принципы построения стихотворной речи, следует предположить, что факторы, связанные с метрической и просодической структурой стиха, выступают по отношению к СС как секундарные, производные от них. Не менее распространенной, однако, является и противоположная точка зрения, согласно которой именно лингвистические (и, в частности, просодические) факторы имеют определяющее значение, а метрика и СС являются производными от них (таково, например, мнение Л. И. Тимофеева и некоторых его последователей; ср. ниже о концепции Я. Пыльдымяэ).

Бессодержательность понятия СС приводит к тому, что многие авторы в своих наиболее принципиальных исследованиях обходятся вообще без него; наиболее впечатляющий пример: грандиозная как по охвату материала, так и по детальности его обследования монография М. Л. Гаспарова (Гаспаров 1974); в следующей книге М. Л. Гаспаров придерживается более или менее традиционного подхода к СС (Гаспаров 1984) и только в обобщающем очерке истории европейского стиха сам материал подсказывает более дифференцированный подход, во многом приближающийся к предлагаемому в настоящей работе (см. Гаспаров 1989).

Что касается (*b*), то очевидно, что ни о какой полноте стандартного набора СС говорить не приходится: китайский, библейский, древнепюркский, русский народный стих, народный стих прибалтийско-финских народов (эст. *regivārss*, финск. *Kalevalan mittä*), современный *vers libre* и мн. др. не могут быть естественным образом отнесены к какой-либо СС из стандартного списка. Даже если соответствующим образом расширить стандартный список, то и тогда уверенности в его полноте нет и не может быть, поскольку не ясен сам принцип выделения СС. Так, Б. В. Томашевский относил русские двусложные и трехсложные размеры к различным СС (Томашевский 1959), Е. Д. Поливанов, пересматривая привычное соотношение силлабизма и тоники, выделял следующие СС: силлабическую (сюда он относил классическое японское стихосложение), силлаботоническую (сюда он относил французское стихосложение, традиционно считающееся силлабическим) и тонико-силлабическую (к этой СС он относил русскую классическую поэзию XVIII–XX веков, которую в XVIII–XIX вв. обычно называли тонической, а в XX в. — силлабо-тонической; Поливанов 1963; ср. также Леонтьев 1978).

Нет ясности и в вопросе о соотношении различных СС. Так, очевидно, что метрические и силлаботонические стихи в каком-то отношении подобны друг другу; на этом подобии основывалось, в частности, перенесение античной стиховедческой терминологии в силлаботоническое стихосложение новоевропейских поэтических систем. С другой стороны, в каком-то ином отношении силлаботоника сближается с чистой тоникой, поэтому оказываются возможными (например, в русской поэзии) переходные формы между ними.

В дескриптивном отношении основным неудобством стандартной теории является заведомая неопределенность критериев отнесения некоторой стихотворной формы именно к данной СС (ср., например, многочисленные споры и недоразумения, касающиеся русского народного стиха, русской силлабики, стихосложения Маяковского и т.п.; но, вероятно, наиболее показательной является дискуссия относительно русского классического стихосложения: если в XIX веке оно по традиции, идущей от В. К. Тредиаковского считается тоническим, то Н. В. Недрово называл его силлабо-тоническим и даже силлабическим (Не-

доброво 1912), Б. В. Томашевский, со ссылкой на Третьяковский, — снова тоническим², Е. Д. Поливанов — тонико-силлабическим, а Б. Я. Бухштаб выделяет в нем две разновидности: силлабо-тоническую и акцентно-силлабо-тоническую (ср. ниже). Не удивительно поэтому, что многие исследователи стиха в своих штудиях предпочитают обходиться вообще без термина СС (наиболее значимый в этом отношении пример — Гаспаров 1974). Не менее показательны и то обстоятельство, что многие из современных учебных и справочных пособий также, по сути дела обходятся без понятия СС (Руднев 1990, Sherr 1986, Princeton 1985³, Hobsbaum 1996 etc).

2. Попытки ревизии стандартной теории СС

Недостатки стандартной теории стали в русском стиховедении очевидны уже в 1920-е годы, когда понятие СС и стандартный их набор неоднократно становились предметом специального анализа; было предпринято также несколько попыток их новой систематизации и даже исчисления⁴. Наибольший интерес пред-

² Ср.: Наше стихосложение строится не на двух началах, а на одном: на законе распределения ударений. Равенство слогов в стихах одинакового размера — автоматическое следствие первого принципа. Поэтому правильнее было сохранить название, присвоенное системе русского стиха еще Третьяковским: тонические размеры (Томашевский 1957, 128).

Справедливости ради стоит отметить, что В. К. Третьяковский, который ввел это стихосложение, называл его не ‘тоническим’, а ‘тоническим’.

³ Также обстоит дело и в позднейших изданиях этого справочника.

⁴ Идея исчисления систем стихосложения (и — шире — феноменов поэтики и стилистики вообще) в 1910–40-е годы в русском стиховедении, что называется, “носила в воздухе”. В этом контексте следует рассматривать стиховедческую деятельность В. Брюсова (Брюсов 1919 и 1924; ср. также Гиндин 1970, 1973 и др.), отчасти Б. И. Ярхо, в научной личности которого парадоксальным образом сочетались скурпулезный эмпирик со страстным систематизатором; к этому же времени относится и работа М. П. Штокмара над “менделеевской системой” систем стихосложения, которая однако так и осталась незавершенной (ср. Гас-

ставляют в этой связи работы В. М. Жирмунского, Б. В. Томашевского и Е. Д. Поливанова; позже близкие идеи были высказаны в работах ряда западно-европейских и североамериканских исследователей, например, Дж. Лотцем в рамках его концепции “метрической типологии” (Lotz 1960), П. Лейно (Leino 1979) и др. Названные авторы убедительно вскрыли недостатки стандартной теории, однако меры по преодолению этих недостатков носят у них половинчатый характер.

Наиболее кардинальному пересмотру стандартная теория подверглась в исследованиях Я. Пыльдяэ, посвященных эстонскому стихосложению, и Б. Я. Бухштаба, посвященных стихосложению русскому.

2.1. Аксиоматический подход: концепция Я. Пыльдяэ

В основе подхода Я. Пыльдяэ лежит представление (высказанное ранее его научным руководителем Вяч. Вс. Ивановым⁵), что все возможные в поэзии некоторого языка СС можно вывести из свойств его фонологической системы. Такой подход к выделе-

паров и др. 1987). Р. О. Якобсон в этом отношении (как и во многих других) должен рассматриваться как своего рода мост между русской (и — шире — европейской) филологией и американской. Опубликованная в 1941 году в Стокгольме совместная с Дж. Лотцем работа, посвященная аксиоматическому описанию мордовского стихосложения, стимулировала многие исследования в этой области (Jakobson, Lotz 1941); ср. хотя бы последующие работы Дж. Лотца.

⁵ Эту идею, очевидным образом восходящую к Р. О. Якобсону и Дж. Лотцу, Вяч. Вс. Иванов впервые высказал на совещании по применению математических методов в литературоведении в Горьком в 1961 году; ср. краткое ее изложение в обзоре А. К. Жолковского:

Одним из плодотворных путей развития поэтики является аксиоматическое описание метрических систем, позволяющее выводить не только существующие, но и все мыслимые метрические системы на основе знаний о фонологических системах соответствующих языков (Жолковский 1962, 96).

Очевидно, что дело идет здесь не о метрических системах, а именно о СС.

нию СС получил название аксиоматического. Так, для эстонского языка значимыми являются следующие просодические характеристики:

- (а) фонологическая выделенность всех слогов (безударные слоги не редуцируются);
- (б) по крайней мере частичная фонологичность словесного ударения;
- (с) фонологичность слогового квантитета.

В результате этих особенностей эстонский язык создает предпосылки для следующих восьми СС:

1. **Силлабическая система**, в которой упорядочено число слогов в стихе.
2. **Просодические системы**: упорядочено число слогов, отмеченных некоторыми просодическими признаками (но не упорядочено общее число слогов):
 - а. **Квантитативная система**. Упорядочено чередование долгих и кратких слогов в стихе.
 - б. **Акцентная система**. Упорядочено число слогов, несущих основное ударение.
 - с. **Акцентно-квантитативная система**. Упорядочено как число слогов, несущих основное ударение, так и чередование долгих и кратких слогов в стихе.
3. **Силлабо-просодические системы**: упорядочено как общее число слогов в стихе, так и число слогов, отмеченных некоторыми просодическими признаками:
 - а. **Силлабо-тоническая система**. Упорядочено появление слогов, несущих основное ударение, и общее число слогов в стихе <...>.
 - б. **Силлабо-квантитативная система**. Упорядочено общее число слогов в стихе, а также чередование долгих и кратких слогов.
 - с. **Квантитативно-силлабо-тоническая система**. Упорядочено появление слогов, несущих основное ударение, общее число слогов в стихе, а также чередование долгих и кратких слогов.
4. **Свободный стих**. Не упорядочено ни число слогов, ни число ударений, ни чередование долгих и кратких слогов; от прозы этот стих отличается (помимо различий в синтаксисе,

грамматике и лексике) особым ритмико-интонационным членением. (Pöldmäe 1978, 84–85)⁶

Особенно примечательно, что по мнению Я. Пыльдмяэ все восемь названных СС не только возможны теоретически, но и реально встречаются в практике эстонского стихосложения, что представляется совершенно уникальным в мировой поэтической практике явлением.

Система Я. Пыльдмяэ, привлекающая своей наглядностью и простотой, по сравнению со стандартной теорией обладает еще одним несомненным достоинством: построенная по правилам комбинаторики, она оказывается в состоянии дать исчерпывающий (в рамках этой системы) ответ, сколько и какие СС в принципе возможны в поэтической культуре данного языка. Не приходится поэтому удивляться, что подход Я. Пыльдмяэ нашел применение при описании поэтических систем самых различных языков.

Так, несколько модифицировав методику Я. Пыльдмяэ, Б. Ф. Егоров (Егоров 1973) предложил аналогичное исчисление СС для русского стиха. В отличие от Я. Пыльдмяэ, Б. Ф. Егоров различает системы, основанные на *счете* ударений в стихе при постоянном числе слогов (например, логазды и изосиллабические дольники), от систем, основанных на *расположении* ударений при постоянном числе слогов (традиционная силлаботоника), что делает его систему более гибкой⁷. Учитывая в качестве системообразующего фактора еще и рифму, Б. Ф. Егоров получает шестнадцать СС, возможных в русской поэзии. Другие модификации подхода Я. Пыльдмяэ были применены для аксиоматического описания киргизского и финского стихосложения (Шаповалов 1978, Leino 1979, 1982, 1986).

Таким образом, в рамках аксиоматического подхода теория СС приобретает, наконец, очертания, приемлемые для современного стиховедения. Вместе с тем, при всех его несомненных

⁶ Ср. также Пыльдмяэ 1970.

⁷ В своем отзыве на докторскую диссертацию Я. Пыльдмяэ Б. Ф. Егоров, который был официальным оппонентом на ее защите, указывал, что аналогичное разграничение следовало бы произвести для квантитета: это позволило бы различать системы, основанные на счете длительностей, от систем, основанных на их расположении.

достоинствах, подход этот в том виде, в каком он предстает в работах Я. Пыльдмэя, представляется уязвимым по крайней мере в следующих отношениях:

- (а) соотношение принципов стихосложения с параметрами структуры ЕЯ трактуется излишне прямолинейно;
- (б) при этом анализ просодической системы ЕЯ недостаточно детален;
- (с) аксиоматическая база страдает нечеткостью;
- (d) *vers libre* определяется чисто негативно.

Что касается первой из этих проблем, то сама установка на исчисление СС на основании лишь фонологических данных не представляется реалистичной. Языковые данные — лишь один из факторов, участвующих в формировании системы стиха. Основополагающий в этом смысле тезис был сформулирован Р. О. Якобсоном еще в начале 1920-х годов:

Стихосложение никогда не может быть выведено целиком из наличного языка. (Якобсон, 1923)

За прошедшее с тех пор время тезис этот не только не устарел, но и нашел подтверждение все новыми примерами. Влияние иноязычной поэтической системы, культурно более авторитетной нежели национальная, может стать более значимым фактором, чем структурные характеристики национального языка. Так, в тюркских языках, не знающих слогового квантитета, был привит аруз, основанный именно на противопоставлении долгих и кратких слогов и т.п.

В отношении (б) необходимо отметить, что наличие в языке того или иного просодического принципа вовсе еще не означает, что он может быть естественным образом использован в качестве конститутивного признака СС. Просодические признаки, равно как и любые другие языковые элементы, следует рассматривать не атомарно, но системно: в соотношении их со всеми остальными компонентами просодической системы языка. Так, любое использование силлабического принципа (не только в чистой силлабике, но и, например, в силлаботонике) в языках с сильным динамическим ударением блокируется количественной редукцией безударных слогов. Подобным же образом сильное динамическое ударение блокирует действие квантитативного принципа даже в тех языках, где есть фонологическая оппозиция

долгих и кратких слогов (Якобсон 1923). Поэтому при анализе языковой базы той или иной СС следует иметь ввиду не отдельные признаки, а **просодическую систему** языка (см. п. 4)⁸.

С точки зрения (с), необходимо отметить принципиальную несоразмерность признаков, вводимых Я. Пыльдмяэ и его последователями. Так, у ударения функции принципиально иные, нежели у долготы⁹, поэтому возможно, например, стихосложение, основанное на счете лишь ударных слогов при полном игнорировании слогов безударных, однако аналогичных количественных построений, ведущих счет лишь долгим слогам и игнорирующих все краткие, как будто, не зарегистрировано¹⁰.

Чисто негативное определение *vers libre* — отсутствие какой бы то ни было упорядоченности (Я. Пыльдмяэ), “нулевая система стиха, где отсутствуют какие-либо показатели ритма” (Б. Ф. Егоров) — не может считаться удовлетворительной и, вероятно оно не удовлетворяло и самого Я. Пыльдмяэ, который, для того, чтобы отделить *vers libre* от прозы, вводит дополнительные оговорки *ad hoc*, не имеющих аналогий при выделении других СС и явно нарушающих логику классификации (Гаспаров и др. 1987).

⁸ Когда автор этих строк в устной беседе с Я. Пыльдмяэ высказал это возражение, то последний не только выразил свое принципиальное согласие, но и в своей последней книге (Põldmäe 1978) постарался дать более гибкую, по сравнению с предшествовавшими публикациями аргументацию (ср. Гаспаров и др. 1987).

⁹ Если использовать терминологию Н. С. Трубецкого (Трубецкой 1960), то долгота выполняет в языке дистриктивную функцию, в то время как ударение — дистриктивную и кульминативную функцию в языках со свободным ударением, а в языках с фиксированным ударением — кульминативную и делимитативную.

¹⁰ Ср. впрочем интересный, но далеко не бесспорный подход Е. Куриловича к анализу древнегерманского и латинского стихосложения (Курилович 1962a, 1962b, Kuryłowicz 1975).

2.2. Основы и типы русского стиха: подход Б. Я. Бухштаба

По сравнению с глобализмом аксиоматического подхода, Б. Я. Бухштаб в своих стиховедческих публикациях преследует гораздо более скромные цели: не разработку универсального подхода к определению и исчислению СС в любом языке, а выявление и описание основ русского классического стиха (о путанице в этом вопросе ср. выше). Тем не менее работы эти представляют существенный интерес и с точки зрения общей теории стихосложения.

Б. Я. Бухштаб вводит важное понятие **принципа** стихосложения, выполняющего функции своего рода дифференциального признака СС (самого термина СС Б. Я. Бухштаб не употребляет, предпочитая говорить о **типах** стиха). По мнению исследователя, в классическом русском стихосложении учитываются по крайней мере следующие три принципа:

- (1) **Силлабический** принцип урегулированного числа слогов в стихе;
- (2) **Акцентный** принцип урегулированного числа ударений в стихе;
- (3) **Тонический** принцип урегулированного распределения сильных и слабых слогов в стихе (Бухштаб 1973, 104).

Далее, подобно тому, как это делалось в системе Я. Пыльдяэ, возможно исчисление различных типов стиха; обозначив акцентный, силлабический и тонический принципы начальными буквами А, С и Т, Б. Я. Бухштаб предлагает такую типологию русского стихосложения:

А Акцентный стих
 С Силлабический стих
 Т Вольный стих¹¹
 АТ Полноударный стих с вариациями анакруз
 СТ Урегулированный неполноударный стих
 АСТ Урегулированный полноударный стих.
 (Бухштаб 1973, 109)

¹¹ Под вольным стихом здесь понимается, в первую очередь, вольный ямб.

Еще один, возможный по логике классификации, тип АС (т.е. “равноударный силлабический стих”) не свойственен, по мнению Б. Я. Бухштаба, русскому стихосложению (правда, он сам приводит пример такого стиха: стихотворение Кольцова *Могила*)¹².

Уже здесь можно отметить определенную двойственность в определении основных понятий. Во-первых:

Под урегулированным числом понимается равное число либо в каждом стихе, либо в стихах, связанных между собой: в корреспондирующих стихах строф, в стихах, принадлежащих к тому же звену полиметрической композиции и т.п. (Бухштаб 1973, 104).

Приведенное определение является по сути дела тавтологичным, поскольку урегулированность определяется через корреспонденцию, в то время как последняя есть частное проявление урегулированности. Далее:

Акцентный принцип имеет место только в полноударном стихе, в неполноударном равенства или урегулированного числа ударений нет (Бухштаб 1973, 108–109).

Вот это положение представляется уже совершенно неудовлетворительным: если нет урегулированности (т.е. корреспонденции) ударных позиций, то как вообще можно говорить о полноударности или неполноударности, т.е. различных вариантах реализации определенной урегулированности¹³.

¹² Поскольку Б. Я. Бухштаб все же не готов к отождествлению понятия принципа стихосложения с его дифференциальным признаком, он не может явным образом приписывать ему отрицательное значение; поэтому он, в отличие от Я. Пыльдымэ, не предусматривает даже теоретической возможности такого типа стиха, который характеризовался бы лишь отрицательно, т.е. –С, –А и –Т (неявное же приписывание отрицательных значений, разумеется, имеет место: фактически тип С означает +С, –А, –Т; тип А означает –С, +А, –Т и т.п.).

¹³ Данный пассаж представляется сомнительным не только в теоретическом, но и в фактическом отношении: *неполноударность* вовсе не обязательно влечет за собой *неравноударность*. Так, в русском Я4 или Х4 преобладают трехударные стихи, поэтому не приходится удивляться тому, что значительные куски, а то и целые тексты, написанные этими размерами, состоят лишь из трехударных стихов, ср.:

Основной особенностью концепции Б. Я. Бухштаба является разграничение А и Т принципов, позволяющее ему, в частности, отказаться от дихотомии **метр/ритм**¹⁴. Проследим некоторые следствия, вытекающие из этого положения.

Силлабическим стихом может считаться только изосиллабический стих, акцентным — только изотоничный. Это создает искусственную проблему позиционно урегулированных (или — в традиционной, но менее удачной терминологии — строфически урегулированных¹⁵) и вольных силлабических и акцентных стихов¹⁶, а в случае силлабического стихосложения не ясно даже как следует оценивать альтернацию клаузул. Такое положение представляется тем более искусственным, что для русского классического стихосложения возможность вольного стиха не только допускается, но специально предусматривается (как типа

В темном пламени свечи	— ∪ — ∪ — ∪ —
Зароились как живые,	— ∪ — ∪ — ∪ — ∪
Мигом гибнут огневые	— ∪ — ∪ — ∪ — ∪
Брызги в трепетной ночи,	— ∪ — ∪ — ∪ —
Но с мольбою голубые	— ∪ — ∪ — ∪ — ∪
Долго теплятся лучи	— ∪ — ∪ — ∪ —
В темном пламени свечи.	— ∪ — ∪ — ∪ —

(И. Анненский *Свечка гаснет*)

¹⁴ Бухштаб 1969.

¹⁵ Неудачность традиционной терминологии состоит в том, что она может создать неадекватное представление о характере чередования. Так, в зависимости от длины строфы обычно различаются четверостишия Я4343, шестистишия Я434343, восьмистишия Я43434343 и т.п., в то время как вполне очевидно, что в таких случаях конфигурация стопностей определяется вообще не типом строфы, но исключительно позицией стиха: все нечетные стихи 4-стопны, четные — 3-стопны. Поэтому мы и предпочитаем говорить о позиционной урегулированности и обозначать этот размер как Я43.

¹⁶ Если позиционно урегулированные размеры с известной долей условности системой Б. Я. Бухштаба допускаются (ср. выше о корреспондировании строк), то вольный стих вне традиционной силлаботоники — нет. Гораздо более тонкий подход к решению этой проблемы был предложен В. М. Жирмунским (Жирмунский 1964).

стиха, основанного только на принципе Т, без учета принципов А и С); более того — существование “вольного классического стиха” служит одним из обоснований разграничения А и Т принципов.

С вольным стихом связана еще одна трудность. В основе концепции Б. Я. Бухштаба лежит следующее представление:

Классический русский стих <...> имеет две разновидности: полноударную, состоящую исключительно из полноударных строк <...> и вторую, состоящую как из полноударных, так и неполноударных строк (Бухштаб 1973, 108)¹⁷.

Иными словами, для описания русского классического стиха Б. Я. Бухштаб использует два типа: АСТ (т.е. изоакцентный, изо-силлабический стих, с урегулированным распределением сильных и слабых слогов) и СТ (то же, но без полноударности). В вольном стихе такое разграничение проведено быть не может и весь вольный стих относится к неполноударному типу. Столь же искусственным представляется отнесение стиха с переменной анакрузой лишь к полноударному типу.

Для преодоления по крайней мере части из этих трудностей следовало бы отграничить принцип равностопности от полноударности (у Б. Я. Бухштаба принцип А обозначает и равностопность, и равноударность одновременно), что однако привело бы к значительной перестройке всей системы. Такое разграничение позволило бы, в частности, дать и более содержательную интерпретацию неполноударного дольника (пример которого приводит сам Б. Я. Бухштаб, поскольку дольник — по Бухштабу — должен быть лишь и изоакцентным, и полноударным. Однако даже и такое разграничение не позволило бы решить все проблемы, возникающие в рамках подхода Б. Я. Бухштаба.

Думается, что в основе перечисленных трудностей лежат особенности общестиховедческой концепции Б. Я. Бухштаба, заключающейся в отрицании какой бы то ни было формообразующей роли стихотворного метра¹⁸ и стремление все

¹⁷ Подробнее этот тезис обосновывается в Бухштаб 1969.

¹⁸ Ср. в этой связи его сочувственную интерпретацию взглядов Б. В. Томашевского:

формообразующие факторы стиха объединить в наборе его “основ”.

* * *

Концепции Я. Пыльдяэ и Б. Я. Бухштаба знаменуют существенный прогресс по сравнению со стандартной теорией, сохраняя однако один из существенных ее недостатков: область СС не достаточно четко отграничивается от смежных областей: языковой просодики (Я. Пыльдяэ) и метрики (Б. Я. Бухштаб). Представляется, что следующим шагом в разработке теории СС и должно быть четкое разграничение этих явлений.

3. Понятие СС: генеративный подход

В ходе дальнейшего изложения мы будем исходить из представления, что стих есть реализация метрического задания в языковом материале, т.е. стих представляется системой двойного кодирования: языкового и метрического (используя структуралистические оппозиции **язык↔речь** и **метр↔ритм** можно сказать, что стихотворное сообщение выступает по отношению к языку в функции речи, а по отношению метра — в функции ритма).

СС мы определяем как отображение, ставящее элементам метрической структуры в соответствие определенные элементы структуры языка или, иными словами, **способ реализации метра средствами естественного языка:**

МЕТР $\xrightarrow{СС}$ **ЕЯ ПРОСОДИКА** → **СТИХОТВОРНЫЙ ТЕКСТ**

При таком подходе именно СС является центральным компонентом механизма стиха и, следовательно, теория и типология СС должна занимать соответствующее место в общей теории стиха.

Метр должен пониматься как обобщение закономерностей всех ритмических вариантов, охватываемых им, а не как регулятор, извне навязываемый стиху (Бухштаб 1969, 393).

Мы же исходим из прямо противоположной трактовки природы и роли стихотворного метра.

Очевидно также, что такой подход устраняет опасность смешения СС как с факторами просодического, так и метрического характера. Перед тем как перейти к типологии СС следует хотя бы самым кратким образом остановиться на характеристике как языковой просодики, так и метрических систем.

4. Просодические системы

В настоящем разделе предпринята попытка синтеза основополагающих для типологии просодических систем идей Н. С. Трубецкого (Трубецкой 1960) и К. Л. Пайка (Pike 1946). Первый различал слогосчитающие и моросчитающие языки, второй — языки тактосчитающего и слогосчитающего ритма.

В качестве основной мы выделяем оппозицию языков тактосчитающего и нетактосчитающего ритма. Среди последних мы различаем языки слогосчитающего и моросчитающего ритма. Таким образом, мы выделяем три типа языков:

- А. **Языки тактосчитающего ритма**, характеризующиеся сильным динамическим ударением, градацией силы ударения, редукцией безударных слогов и заметной распространенностью явлений проклизы и энклизы. Таковы английский, немецкий, русский и др. языки.
- В. **Языки слогосчитающего ритма**, характеризующиеся просодической самостоятельностью слога (независимостью его от ударения, т.е. отсутствием редукции) слабым и, как правило, фиксированным ударением. Среди языков этого типа можно выделить два подтипа:
 - В1. Языки, в которых есть фонологическая оппозиция долгих и кратких слогов (чешский, венгерский, эстонский и т.п.).
 - В2. Языки без фонологически значимого количества (итальянский, испанский и т.п.).
- С. **Языки моросчитающего ритма**, характеризующиеся тем, что в них минимальным просодическим элементом является не слог, а единица длительности — мора (древнегреческий, санскрит и др.). Языки этого типа также не знают редукции безударных слогов, а ударение в них еще слабее, чем в языках типа В и, как правило, имеет не динамический, а мелодический характер.

Приведенная типология имеет очевидные последствия для теории СС: в языках тактосчитающего ритма, где нет фонологически релевантного квантитета¹⁹, имеется естественная база для акцентного (тонического) стихосложения, но нет такой базы для стихосложения силлабического или квантитативного. Таким же образом языки слогосчитающего ритма тяготеют к силлабическому, а моросчитающего — к квантитативному стихосложению.

Понятие просодической системы не может заменить понятия СС, однако оно имеет важное значение при анализе, например, истории некоторой СС в поэтической системе данного языка, ее естественности для этой поэтической системы и т.п. Тем не менее, отсутствие естественной языковой базы вовсе, как уже было указано выше, не является непреодолимым препятствием для введения соответствующей СС: есть достаточно много примеров квантитативного стихосложения (например, по образцу античного или арабского стихосложения) в языках не знающих фонологического квантитета, а также акцентного стихосложения в языках нетактосчитающего ритма.

5. Метрические системы

Стихотворный метр мы определяем как абстрактную трансляционно симметрическую структуру, элементарный период симметрии которой называется стопой. В зависимости от числа типов элементов, составляющих стопу, соответствующие метры относятся к метрическим системам 1-ой, 2-ой, ... , n-ой степени (в дальнейшем — MC^1 , MC^2 , ... , MC^n); наибольшее практическое значение имеют MC^1 и MC^2 .

MC^1 состоит из множества цепочек над алфавитом из одного символа (делимитаторы — разграничители цепочек — мы обо-

¹⁹ Ср. однако принципиально иной подход в работах А. Принса, М. Либермана (Prince 1989, Liberman and Prince 1977), П. Кипарского (Kiparsky 1989) и др., развивающих стопную теорию просодики. Так, П. Кипарский в устной беседе с нами указал, что для него английский и финский относятся к языкам просодически однотипным: в обоих есть долгота, измеряемая моррами (наличие сильной редукции в английском и отсутствие ее в финском для типологии П. Кипарского — иррелевантный фактор).

значаем символом &). По способу урегулированности вхождения цепочек мы различаем

(А) равностопные размеры:

&A&A&A& ...	1-стопный
&AA&AA&AA& ...	2-стопный
...	
&A...A& A...A& A...A& ...	n-стопный
$\underbrace{\hspace{1.5em}}_n \quad \underbrace{\hspace{1.5em}}_n \quad \underbrace{\hspace{1.5em}}_n$	

(В) (неравностопные) позиционно-урегулированные размеры:

&AAA&AA&AAA&AA&...	32-стопный
&A...A&A...A&A...A&A...A&A...A&A...A& ...	mn-стопный
$\underbrace{\hspace{1.5em}}_m \quad \underbrace{\hspace{1.5em}}_n \quad \underbrace{\hspace{1.5em}}_m \quad \underbrace{\hspace{1.5em}}_n \quad \underbrace{\hspace{1.5em}}_m \quad \underbrace{\hspace{1.5em}}_n$	

&A...A&A...A&A...A&A...A&A...A&A...A& ... kkl-стопный

$\underbrace{\hspace{1.5em}}_k \quad \underbrace{\hspace{1.5em}}_k \quad \underbrace{\hspace{1.5em}}_l \quad \underbrace{\hspace{1.5em}}_k \quad \underbrace{\hspace{1.5em}}_k \quad \underbrace{\hspace{1.5em}}_l$

...и т.д.

(С) вольные (неравностопные неурегулированные) размеры:

&A...A&A...A&A...A&A...A&A...A&A...A& ...	стопность — произвольная
$\underbrace{\hspace{1.5em}}_k \quad \underbrace{\hspace{1.5em}}_l \quad \underbrace{\hspace{1.5em}}_m \quad \underbrace{\hspace{1.5em}}_n \quad \underbrace{\hspace{1.5em}}_o \quad \underbrace{\hspace{1.5em}}_p$	

MC² состоит из множества цепочек над алфавитом из двух символов; обозначим их соответственно как А и В. Примеры стоп в MC²: АВ, АВВ, АВА, АВВВ, ВВAB, АВВА и т.п. Важным подклассом являются стопы, в которых один из символов имеет только одно вхождение (здесь и далее будем считать А таким символом). Примеры таких стоп:

АВ	АВВ	АВВВ	АВВВВ
ВА	ВАВ	ВАВВ	ВАВВВ
	ВВА	ВВАВ	ВВАВВ
		ВВВА	ВВВАВ
			ВВВВА

и т.п.

Как и в MC¹, в MC² стопы сочленяются в метрические последовательности более высоких рангов и могут образовывать равностопные, неравностопные урегулированные и вольные размеры.

МС³ состоит из множества цепочек над алфавитом из трех символов и т.п.

6. Типология систем стихосложения

Отображение метра на языковые цепочки осуществляется при помощи **правил соответствия**, совокупность которых и определяет СС. Естественно, что различные МС будут реализовываться в разных СС. Соответствие между МС и СС является одно-многочленным: каждой МС соответствует определенный класс СС. Таким образом, при описании модели той или иной СС следует различать метрические структуры (MS) и правила соответствия (CR).

6.1. СС, соответствующие МС¹

6.1.1. С¹: *Чисто-количественный стих*

Для начала рассмотрим искусственный пример. Минимальной единицей просодической структуры (моросчитающего — см. 4) языка является мора. Представим себе такое стихосложение, в котором регламентировано только общее число длительностей в стихе, но никак не упорядочивается их внутрискрипное распределение. Такая СС описывается следующей моделью.

(MS1) &AAA...&

- (CR1) (i) Каждому символу 'A' из MS1 в стихе соответствует одна и только одна мора;
 (ii) & соответствует словораздел (#).

Если предположить, что в этой СС встречается шестиморный стих (в основе которого лежит метрическая структура &AAAAAA&), а слоги разделяются на одноморные (⊔) и двуморные (—), то следующие конфигурации должны быть признаны в качестве правильных реализаций метрической схемы (в дальнейшем такие конфигурации будут называться метричными):

UUUUUU	UUUU—	UU——	———
	UUU—U	U—U—	
	UU—UU	U——U	
	U—UUU	—UU—	
	—UUUU	—U—U	
		——UU	

Если взять, к примеру, стих U — U — , то его соответствие метру может быть продемонстрировано следующей схемой:

&A A A A A A&
 | | V | V |
 #U — U—#

Такую СС следовало бы назвать **квантитативной** (или чисто-квантитативной). Из всех известных типов стиха к ней в наибольшей мере приближаются санскритские размеры *джати*²⁰. Так, размер *вайталиа* представляет собой четверостишие, в котором четные стихи имеют длительность 14, а нечетные — 16 мор; размер *арья* состоит из семи с половиной четырехморных *ган*²¹, причем гана допускает все пять возможных вариантов слоговой реализации:

UUUU, UU—, U—U, —UU и ——.

И, тем не менее, санскритское стихосложение *джати* лишь с известной натяжкой может быть определено как чисто-квантитативное, поскольку содержит определенные органичения на сочетаемость различных вариантов ган.

²⁰ Санскритское стихосложение развилось из ведийского путем его дифференциации. Ведийское стихосложение было силлабическим с квантитативными ограничениями, касающимися преимущественно окончания стиха. В санскритской поэзии квантитативный и силлабический принцип разъединились, образовав, с одной стороны, квантитативные размеры *джати* и, с другой стороны, силлабические размеры *вритти* (Keith 1953).

²¹ Гана обычно переводится как ‘стопа’.

6.1.2. *C'₂: Силлабическая СС*

После моры следующим по величине элементом просодической структуры языка является слог. Если элементу метрической структуры ставится в соответствие слог, то результатом такого соответствия является силлабическое стихосложение. Силлабическое стихосложение определяется метрической структурой MS1 и правилами соответствия CR2:

- (CR2) (i) Каждому символу ‘А’ из MS1 в стихе соответствует один и только один слог;
 (ii) & соответствует словораздел²².

Так, метрической структуре &АААААА& может быть поставлен в соответствие такой текст:

Алфавит собранный
 Рифмами сложенный
 От святых писаний
 Издревних речений
 На пользу всем чтущим
 В правой вере сущим...
 (Цит. по Остолопов III, 229)

Силлабическая СС, таким образом, определяется двумя принципами: метрической релевантностью слога и позицией постоянного словораздела — цезуры (и только ими).

Иногда высказывалось мнение о необходимости “тонического стержня” или акцентной “константы” в силлабическом стихе²³. Такое мнение представляется некорректным, поскольку основывается на смешении СС с факторами, связанными с языковой просодикой. В языках без динамического ударения (к ним относятся, в частности, все моросчитающие языки), ни о каком “тоническом стержне” речи, естественно быть не может (ср. японское классическое стихосложение, которое Е. Д. Поливанов именно на этом основании отделял от французского —

²² Правило (CR2)(ii), в точности повторяющее (CR1)(ii) не является специфичным ни для морного, ни для слогового стихосложения, но характеризует все СС; поэтому в дальнейшем оно не будет специально оговариваться, но подразумеваться “по умолчанию”.

²³ Тимофеев 1928; 1958.

ср. п. 1; Поливанов 1963, Леонтьев 1978). В языках же слоγο-считающего ритма с фиксированным ударением (французский, польский и др.) акцентная константа является автоматическим следствием фиксации позиции ударения относительно словораздела, а не результатом самостоятельного метрического задания. Поэтому и нарушение этой “константы” не приводит к нарушению метричности стиха²⁴. Наконец, в языках с нефиксированным ударением наличие тонической константы (если таковая действительно имеется²⁵) должно считаться реализацией самостоятельного метрического задания, в результате чего такой стих не может уже считаться чисто силлабическим, но переходным к силлаботоническому.

Иногда же и единственная тоническая константа переводит стих в силлаботоническую систему. Так, в “кольцовском” пяти-сложнике имеется такая константа: ударение на третьем слоге,

²⁴ Ср. Холшевников 1968, Папаян 1972 и 1980, Золян 1976.

²⁵ В этой связи весьма показательны споры о природе русской силлабики. Как известно, русский силлабический стих вообще и его основные метрические модели — 13-сложник (7+6) и 11-сложник (5+6) — в частности, были заимствованы из польского стихосложения. Однако, если в польском стихе паракситоничность окончания предцезурной позиции всецело определялась языковой просодикой, то в русском стихе оно было результатом реализации самостоятельного метрического задания. Т.о. если, например, польский 11-сложник — явно силлабический стих, в основе которого лежит следующая метрическая структура:

&ААААА&ААААА&&,

то русский 11-сложник первоначально имел ввиду несколько другую метрическую структуру:

&АААВА&ААААВА&& (где символу ‘В’ ставился в соответствие ударный слог).

Однако эта схема скорее отражала идеальные стремления, а не реальную практику, допускавшую и мужские, и дактилические окончания. В ходе дальнейшего развития судьбы паракситонизма в конечной и предцезурной позиции резко расходятся: если в клаузуле он стабилизируется, то в предцезурной позиции он теряет всякую обязательность.

В качестве типологической параллели здесь можно указать на ведийское силлабическое стихосложение, в котором были определенные квантитативные ограничения, касающиеся окончания стиха. В этом случае следовало бы говорить о переходе от силлабического стихосложения к силлабо-квантитативному.

поэтому и возведение его лишь к схеме &AAAAA& не является достаточным²⁶. (В связи с этим можно отметить, что и *Алфавит собранный*..., приведенный в качестве примера чисто-силлабического стиха, небезупречен из-за того, что в нем всегда безударен последний слог; однако, константная *неударяемость* одного лишь слога — настолько слабый ритмический сигнал, что им можно и пренебречь; следует, кроме того, помнить, что клаузула вообще во многих видах стиха подчиняется особым закономерностям).

Силлабический стих может быть равносложным (т.е. равносложным, поскольку в силлабическом стихосложении стопа реализуется слогом), так и позиционно урегулированным (например, польская “сапфическая строфа” и т.п.) или вольным, неравносложным неурегулированным (например, басни Лафонтена). Следует особо настаивать, как это делал В. М. Жирмунский (Жирмунский 1964), на том, что вольный силлабический стих не есть *vers libre*. Различия между ними касаются как метрики, так и просодии. В вольном стихе стихи разные, но узнаваемые: во французском стихосложении это в основном четносложные стихи с преобладанием 8-ми, 10-ти и 12-сложников, привычных в равносложном и позиционно урегулированном стихе, в то время как в *vers libre* счет на слоги вообще не идет. Отсюда и просодические различия. Вольный стих, поскольку его слоги несут метрическую информацию, сохраняет все условности классического силлабического стихосложения (например, *e-muet*), в то время как *vers libre*, естественно, ничего этого не знает.

²⁶ Иногда указывается, что таких констант две: ударность 3-го слога и безударность 4-го (т.е. стих строится по схеме XX—UX), однако стремление к безударности 4-го слога есть, скорее всего, следствие предшествовавшего ему константного ударения; в литературном 5-сл четвертый слог действительно безударен, в то время как в фольклорном встречаются структуры типа *осетра́-рыбы*, где ударение в четвертом слоге ослаблено, но не исчезает вовсе.

6.1.3. Акцентный и словный стих

Следующим по величине элементом языковой просодики является просодическое слово (чаще употребляется термин “фонетическое слово”, который представляется менее удачным, поскольку не позволяет разграничивать просодические и фонематические факторы).

В языках тактосчитающего ритма в функции просодического слова выступает *такт* — множество слогов, объединенных ударением, причем конституирующим элементом может быть как словесное, так и синтагматическое (фразовое) ударение. На наличие второй возможности впервые, по крайней мере в истории русской филологии, указал А. Х. Востоков, который такой такт назвал “просодическим периодом” (Востоков 1817)²⁷.

В различных языках не тактосчитающего ритма просодическое слово конституируется не ударением, но словоразделом (или синтагморазделом), а, в некоторых случаях, и количеством слогов (как, например, в венгерском)²⁸.

В языках обоих типов МС¹ может реализовываться при помощи правил соответствия, отображающие метрические символы ‘А’ в просодические слова. Такую СС будем называть **словной** (за отсутствием лучшего термина; ср. wortzählende Rythmik В. Майера [Meyer 1905] и словный стих А. Теу [Teeuw 1952]). В зависимости от типа языка и структуры просодического слова различаются акцентная и неакцентная разновидности словного стихосложения. Хотя различия в ритмике и звучании между стихами этих разновидностей могут быть весьма значительными, они целиком обуславливаются факторами языковой просодики и не могут служить основанием для выделения их в самостоятельные СС.

²⁷ Аналогичные разграничения проводит В. М. Жирмунский (Жирмунский 1964), а в эстонском стихосложении — Я. Пьльдмяэ (Põldmäe 1978).

²⁸ J. Horváth 1969, 18–19.

6.1.3.1. *C'*_{за}: Акцентный стих

В языках тактосчитающего ритма словная СС функционирует в виде **акцентного** стиха. Она конституируется MS1 и CR3.

(CR3) Каждому элементу А из MS1 соответствует такт (множество слогов, объединенных ударением).

Вот пример звучания трехстопного (=трехударного) акцентного стиха:

& A A A &

Break, break, break

Wind of the western sea

(А. Теннисон)

4-сложная группа *of the western*, объединяемая одним словесным ударением, является одним тактом. Совершенно аналогичен — с точностью до числа слогов в междуударных интервалах — следующий пример из В.Маяковского:

& A A A &

Дней бык пег.

Медленна лет арба...²⁹

Как и силлабический стих, акцентный стих может быть не только равностопным, но и позиционно урегулированным или вольным.

Представляется, что с точки зрения предложенной теории акцентного стиха наиболее принципиальными в дескриптивном отношении являются следующие проблемы:

- проблема пропусков схемных ударений;
- проблема сверхсхемных ударений.

На примере акцентного стиха в русской поэзии эти проблемы рассмотрены в Лотман 1995.

В теоретическом плане важной проблемой представляется определения “масштаба соответствия” метрической схемы. Из современных стиховедов, кажется, только Я. Пыльдямаэ настаивает на том, что следует различать акцентный стих, основанный на счете словесных ударений, от акцентного стиха, основывающегося на счете ударений синтагматических (Põldmäe 1978), т.е. следует различать такты, в которых слоги объединяются сло-

²⁹ Подробнее об этом см. раздел о тактовике в Лотман 1995.

весным ударением, от тактов, где это объединение происходит за счет ударений фразовых (синтагматических). Такты второго типа А. Х. Востоков и называл “прозодическими периодами”.

Примером акцентного стиха первого типа может служить приведенный выше отрывок из Маяковского³⁰, примером акцентного стиха второго — “сказочный стих” А. Х. Востокова, также трехстопный (= трехударный)³¹:

& А А А &
 Подражай | сей мере | в делах твоих.
 Достигнуть ли | хочешь | исполнения,
 Беспреданно | вперед, | вперед стремись,
 Хочешь видеть | все мира | явления,
 Расширяй над ними | ум свой | и обмышь их...
 (Изречения Конфуция, пер. из Ф. Шиллера)
 (границы синтамы отмечены значком “|”)

Акцентный стих первого типа может быть назван тактовым (не путать с тактовиком), акцентный стих второго типа — синтагматическим (ср. тактоид и синтагмоид у Я. Пыльдмяэ)³².

6.1.3.2. *C'zb*: Собственно словный стих

Акцентный стих — наиболее распространенная и обследованная форма словной СС; авторитет этой формы порой приводит к тому, что исследователи о любой форме словосчитающего стиха (в том числе и языках нетактосчитающего ритма) начинают говорить как об акцентной, и это несмотря на то, что сам акцент (ударение) в большинстве таких случаев вообще никакой метрической роли не играет³³.

³⁰ Имея ввиду, в первую очередь, именно такого рода стихи, Р. О. Якобсон писал: “Поэзия Маяковского есть поэзия выделенных слов по преимуществу” (Якобсон 1923).

³¹ Востоков применил здесь описанный им же “сказочный русский стих”, состоящий из трех “прозодических периодов” с дактилическими клаузулами (Востоков 1817).

³² Pöldmäe 1978.

³³ Исключения в этом смысле составляют подражания акцентному стиху в поэтических системах языков тактосчитающего ритма; так, в переводах Маяковского акцентный ритм может достигаться особыми

Любопытно, однако, что вовсе не акцентный стих был первой формой словного стихосложения, получившей теоретическое осмысление. По свидетельству В. Майера, грамматик Виргилий Марон (нач. VI в.) описал размер, строящийся исключительно на счете слов. Например, следующие стихи он определяет как *quadrifonis* (что, по утверждению В. Майера, означает у Виргилия Марона ‘четырёхсловный’):

*Sol maximus mundi lucifer
omnia aëra inlustrat parifer.*

Такой стих отличается от акцентного лишь трактовкой просодического слова: если для акцентного стиха оно конституируется ударением, то для словного — словоразделами.

(CR3a) Каждому элементу А из MS1 соответствует слово (множество слогов, расположенных между двумя словоразделами).

Латинское словосчитающее стихосложение раннего средневековья развилось из античного в результате отхода от использования квантитативного принципа. Оно стало своего рода промежуточным звеном в процессе, результатом которого явились различные формы силлабического и силлаботонического стиха новоевропейской поэзии.

Архаичное латинское стихосложение, до того как оно в III в до н.э. было вытеснено греческими по своему происхождению моделями стиха, по мнению его крупнейшего исследователя Д. Б. Пиги, было также словным. В сатурновом стихе не учитывалось ни ударение, ни квантитет, ни силлабическая структура, но только количество словесных единиц. Д. Б. Пиги различает большой (*maiores*) и малый (*minores*) сатурнов стих, которые, однако, он сводит к следующей общей схеме:

0 (0) / 0 // 0 / 0, где ‘0’ — слово (Pighi 1970).

Приведем, заимствованные у Пиги, примеры малого:

*hiberno / puluere // uerno / luto
grandia / farra, // camile, / metes*

декламационными средствами, что, по выражению Р. О. Якобсона, является формой насилия над языком.

и большого сатурнова стиха:

ēorūm sectam / sequontur // multi / mortales -

multi alii / ē-Troia // strenūi / uiri

Согласно нашей системе описания метрическая структура малого и большого сатурновых стихов определяется, соответственно, следующими схемами:

& A A A A &

и

& A A A A A &

Следует обратить внимание на очевидное сходство, с одной стороны, латинского стихосложения периода, предшествующего принятию стихосложения греческого образца и, с другой стороны, периода его разложения; так, малый сатурнов стих может интерпретироваться как *quadrifonis*.

Разумеется, неакцентная разновидность словосчитающей СС встречается не только в латинской поэзии. Укажем хотя бы на продолжительную и, временами, весьма энергичную дискуссию относительно природы малайского стиха (Тееuw 1952, Болдырева 1973 и др.). Не имея возможности останавливаться здесь на этом вопросе подробнее, отметим лишь, что нет никаких оснований относить “словный” стих к разновидности акцентного (как это делает М. А. Болдырева).

6.1.4. С₄: Свободный стих

Рассмотрим теперь случай, когда МС¹ реализуется следующим образом:

(CR4) Каждому символу ‘А’ из MS1 соответствует просодическая фраза.

Такую СС мы будем называть свободным стихом (*vers libre*). Хотя приведенная трактовка свободного стиха самым решительным образом и расходится с *содержанием* наиболее распространенных представлений о нем (ср. 2.1), она, тем не менее, хорошо соответствует *объему* этих представлений. Иными словами,

предлагая новый *интенционал* понятия ‘свободный стих’, наша теория имеет ввиду тот же *экстенционал*, что и предшествующие концепции свободного стиха и, что еще важнее, наши интуитивные представления о нем.

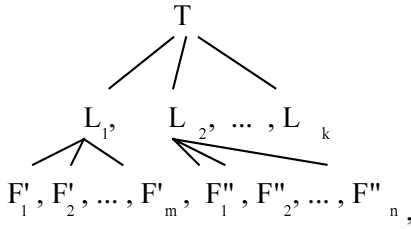
Во избежание путаницы следует уточнить наше употребление термина ‘фраза’. Как и выше, когда речь шла о ‘слоге’ и ‘слове’, мы подразумеваем под ‘фразой’ исключительно единицу просодической страты языковой системы. (Просодическая) фраза конституируется фразовой интонацией и межфразовыми паузами (включая виртуальные). Членение текста на фразы в нестихотворной речи, как правило, соответствует ее синтактико-семантическому членению (такое соответствие характерно даже для эмоционально выделенных фрагментов). В стихотворной речи такое совпадение совершенно не обязательно: членение текста на фразы задается членением на стихи, — стихотворная просодия детерминирована метрически.³⁴ В стихотворной речи фразоразделы могут не совпадать не только с границами синтаксических синтагм, но и с границами слов и, даже, слогов. Так, у И. Анненского в сонете *Перебой ритма* обусловленным границей стиха фразоразделом разрывается односложное слово ‘ямб’:

Как ни гулок, ни живуч Ям-
— б, утомлен и он, затих...

(где ‘ям’ - рифмуется с ‘созвучьям’).

Свободный стих являет собой минимум стихотворности, поскольку в стихотворных формах, относящихся к любой СС, есть метрические единицы, соответствующие фразе (как правило, это — стих, реже — полустиишие). Однако, во всех этих случаях — в отличие от свободного стиха — соответствие метру отуществляется по крайней мере еще на одном уровне — уровне стоп. Несколько огрубляя реальную картину, метрическую схему стихотворного текста можно представить следующим образом:

³⁴ Ср. выдвинутый Ю. Н. Тыняновым принцип единства и тесноты стихотворного ряда, приобретающий особенную значимость именно в *vers libre*, согласно которому метрическое членение приводит к трансформации всех языковых структур, включая семантические.

(где ‘T’ — стихотворный текст, ‘L’ — стих, ‘F’ — стопа; в случае МС¹ стопа состоит из единичного символа ‘А’).

Своеобразие свободного стиха состоит, таким образом, в том, что в нем, как правило, стопа и стих совпадают и каждый стих состоит из одной фразы (иными словами, *vers libre* — как правило одностопный стих). Изредка, однако, встречаются формы, которые могут быть интерпретированы как дву- и более стопные верлибры. Например, описанный К. Ф. Тарановским славянский “сказовый стих” (Тарановский 1968) может интерпретироваться в качестве двустопного верлибра.

Возможны и более сложные построения: стихотворение А. Алликсаара *Traakia maagia* (Фраккийская магия) состоит из 12 четверостиший, каждый стих — из четырех коротких (от одного до четырехсловных) предложений. Поскольку это стихотворение понадобится нам и в дальнейшем (ср. 6.4.2), приведем три его первых строфы:

Ruuge ruutjuur. Puutesuude. Suuli tuulis. Nuumuul.
 Suur puur. Luudetud huued. Tuur kuul. Muundsuund.
 Kuuldud uudis. Tuumaruum. Kuunar muulil. Tuubid luubis.
 Nuuska suusad. Kuumav tuuslar. Mis on nuubia luule? Puuduv suudlus.

Vihane vihin. Tihase liha. Tihkuv kihkur tihkab ihata. Pihkunihtkur.
 Vihtlev sihtur. Rihva kihvad. Rihmavihm. Pihkvas lihvitud pihlakad.
 Pihalihased. Kihupihustus. Sihilik pihimine. Kihistuskihid.
 Nihilist nihvlil. Tihumeeter kihvleid. Kõik ihtüosaurused on ihnurid.
 Lihtne kihnlane.

Saetud pael. Aeva taevad. Vaevatud raev. Laevatael.
 Kaeva kaev. Maetud aer. Raepaed. Kael kraega.
 Vaer pael. Naerev kaer. Laetud laed. Nael paelu.
 Vaene laen. Paeluv aed. Langevad aegade kaed. Vaevane aevastus.

Ни счет слогов, ни счет или расположение ударений, равно как и долгот, для этого стихотворения не релевантны; ни к одной из

СС из “стандартного списка” оно отнесено быть не может. Следовательно, согласно традиционной точке зрения, это — действительно свободный стих. С таким определением можно согласиться, однако, лишь со следующим существенным уточнением: это четверостопный свободный стих (дальнейшие уточнения будут сделаны ниже).

6.1.5. *C*'₅: Vers libre на сверхфразовом уровне(?)

Просодические единицы сверхфразового уровня совершенно еще не исследованы; для них нет даже сколько-нибудь общепринятого названия. Примем поэтому условное название ‘период’. Сам факт существования сверхфразовых единств в просодике не может вызывать сомнения: во-первых, интонационные характеристики фразы могут зависеть от контекста; во-вторых, существуют интонационные закономерности, которые охватывают весь период как целое, в следствие чего одна и та же фраза по-разному звучит в начале и в конце периода (что в поэзии часто обыгрывается в кольцевых построениях). Объединение фраз в период во многом аналогично объединению слов во фразы: просодические характеристики отдельных слов во фразе могут модифицироваться под влиянием (а) коммуникативной организации фразы (актуальное членение и т.п.) и (б) фразовой интонации.

Разумеется, период не может считаться элементом, подходящим для того, чтобы соответствовать метрическим сущностям: он слишком велик для этого и непосредственно на слух плохо воспринимается. Тем не менее, чисто теоретически нет никаких препятствий для существования СС, основанных на том, что символам ‘А’ ставятся в соответствие именно периоды. Несколько стихотворений, демонстрирующих именно такую организацию, встречаем у Т. Лийва, по выражению Я. Пылдымаэ, “автора своеобразнейших эстонских верлибров”; своеобразие их состоит, в частности в их графике: она выровнена не только слева, но и справа, текст строится как бы из кирпичей. Приведем одно из них *Sinu järveks saamine* (*Твое становление озером*), состоящее из пяти одностопных (однопериодных) стихов.

SINU JÄRVEKS SAAMINE

Sina, mis sa oled minemas järve. Sina, mis sa oled saamas järveks, muutumas ohvriks mudasele järvelõhnale, saagiks kõrkjamaigulisele järveheinale. Juba on sinu pilgus kollendav järv paatidega, kes on

ootamas sind järve põhjas, kivide keskel ja inimeste vahel. Kõrvus aga helisevad sul siiski need paadid, kes on veel järve peal, — aerudega lõhkumas karjuvat vett, rebides purjedega vilisevat järveõhku.

Sina, mis sa ei ole kunagi unistanud järveks saamist, armastamas ometi tapvaid kõrkjaid, neelavat muda ja surmavat vett. Sina, sa jooksed tagasigi järve rannalt metsade rüppe, et sel viisil suurendada veelgi enam iha järve järele. Et veelgi enam vihata järve-eelsed maad. Sina, sa võtad metsagi, kes sulle meeldib, endaga järve kaasa, — ei halasta sa metsale, ei mõtle sa metsa vaevale, kui lämmatad järve-

veega puid, keda nii armastad. Sina ja sinust petetud mets. Vette te kaote ja vette te jäätegi, ja järv ei tea, kes tema saagist on puu ja mis inimene.

Обратим внимание на обычный для Т. Лийва перенос слова из четвертого стиха (строфы??) в пятый.

Описанная СС не имеет (еще?) названия. Скорее всего, большинство исследователей были бы склонны трактовать подобные случаи в качестве разновидностей верлибра, что в принципе не может вызывать возражений, поскольку обычное употребление этого термина имеет ни к чему не обязывающий чисто негативный смысл. Следует лишь настаивать на разграничении верлибров так сказать фразовых, от верлибров периодных (ср. разграничение тактового и синтагматического словного стиха в п. 6.1.3.1).

* * *

Суммируя сказанное в разделе 6.1., можно утверждать, что МС¹ соответствуют по крайней мере четыре СС: моросчитающая (или квантитативная; 6.1.1), слогосчитающая (или силлабическая; 6.1.2), тактосчитающая (6.1.3) и фразосчитающая (или vers libre; 6.1.4). Более проблематичным представляется выделение систем стиха, основанных на “метричности” синтагм и сверхфразовых

образований (периодов), поскольку соответствующие единицы просодической структуры ЕЯ являются с метрической точки зрения менее “подходящими”: синтагма в силу ее недостаточной определенности, период — по причине чрезмерного объема. Названные причины, однако, не могут считаться непреодолимыми препятствиями для возникновения соответствующих традиций.

6.2. СС, соответствующие МС²

Теоретически возможных способов реализации МС², естественно, значительно больше, нежели МС¹ (правда, уже а priori отпадают СС² на уровне мор и периодов — ср. 6.1.1 и 6.1.5 — поскольку на соответствующих уровнях единицы языковой просодики не контрастируют между собой). Например, теоретически ничто не препятствует возможности реализации МС² на словесном, синтагматическом или фразовом уровнях. Так, на фразовом уровне стопа ‘АВ’ может реализовываться таким образом, что ‘А’ соответствует фраза, характеризуемая одним типом интонационного контура, а ‘В’ — другим. Такие конструкции встречаются в различного рода амебейных композициях (например, чередующие вопросы и ответы)³⁵.

Возникающих возможностей для комбинирования здесь столь много, что в реально существующих традициях зафиксирована лишь малая их часть. Поэтому ниже мы ограничимся рассмотрением лишь важнейших СС² — все они так или иначе основаны на использовании силлабического принципа (т.е. во всех этих СС метрические единицы так или иначе корреспондируют со слогами).

6.2.1. С''₁: Квантитативно-силлабический стих

Чисто-квантитативный стих, описанный в 6.1.1, образовывался в результате соответствия элементам МС¹ кратчайших единиц языковой просодики — мор. Квантитативный принцип может быть использован и иначе: учитываться может не просто коли-

³⁵ Жирмунский 1921.

чество длительностей, но и их конфигурация. Для этого, однако, требуется перейти с уровня мор на более высокий уровень — уровень слогов. Чередование кратких и долгих слогов может быть использовано в различных СС. Так, античный гексаметр образуется чередованием так наз. неразложимой долготы (т.е. долготы, реализуемой долгим, двуморным слогом) с разложимой (т.е. реализуемой как одним двуморным, так и двумя краткими, одноморными слогами); аналогичным образом устроен и ямбический триметр.

В первом приближении общая схема порождения античного гексаметра может быть представлена следующим образом: он выводится из метрической структуры MS2 при помощи правил соответствия CR5³⁶:

(MS2) &АВАВАВАВАВАВ&

(CR5) I. *Квантитативный принцип:*

- (i) Каждой позиции А из MS2 соответствует две моры;
- (ii) Каждой позиции В из MS2 соответствует две моры;

II. *Силлабический принцип:*

- (iii) Каждой позиции А из MS2 соответствует один и только один слог;
- (iv) Символу В из MS2 может соответствовать либо один, либо последовательность двух слогов.

Примечание к (ii): Последняя позиция в стихе (В₆) считается двуморной условно; в действительности ей может соответствовать как долгий, так и краткий слог.

Примечания к (iv):

а) Позиции В₆ может соответствовать только один слог;

³⁶ Здесь и ниже описания различных размеров преследуют сугубо иллюстративные цели: они демонстрируют механизм образования СС, но, разумеется, не претендуют на полное отражение всех особенностей соответствующих размеров. Более подробное описание многих из упомянутых ниже размеров, исходящее из тех же принципов, что и настоящая работа, содежится в Лотман 1995.

б) Позиции В₃, как правило, соответствует только последовательность двух слогов.³⁷

Например:

А В А В А В А В А В
 — ∪∪ — ∪∪ — — — ∪∪ — ∪∪ — ∪
μηνιν "ειδε θεά Πηληϊάδεω Ἀχιλῆος (Hom. II, I, 1)

Приведенное описание античного гекаметра должно считаться не только заведомо неполным, но и вовсе не единственным возможным. Можно предложить два принципиально иных подхода.

Во-первых, гексаметр может выводиться не из MS2, а MS3:

(MS3) &ABVAVVABVAVVABVAVVAB(V)&

Разумеется, если исходить не из MS2, а из MS3, то определенной корректировке будут подлежать и правила соответствия, однако, производимые изменения не будут иметь принципиальный характер. По сравнению с тем, что было предложено ранее, такой подход обладает одним несомненным преимуществом: он лучше соответствует интуитивному представлению о гексаметре, который иногда прямо и называется “дактилическим”. Недостатком же его следует признать большую громоздкость и меньшую естественность формулировок правил соответствия.

Во-вторых, можно совершенно иначе трактовать саму природу квантитативного принципа: не в терминах мор, но исключительно в терминах долгих и кратких слогов. При таком подходе значительно сложнее отделить квантитативный принцип от силлабического. При этом опять-таки нет существенного различия, будем ли мы исходить из MS2 или MS3. Если исходить из MS2, то можно предложить следующие формулировки:

(CR5a) (i) Каждой позиции А из MS2 соответствует один долгий слог;

³⁷ В случае нарушения этого правила соответствующий гексаметрический стих назывался спондеическим; в греческих гексаметрах, где это правило носило узальный характер, спондеические стихи встречались значительно чаще, чем в латинских, где это правило приобрело нормативный характер.

- (iia) Символу В из MS2 может соответствовать либо один долгий слог,
- (iib) либо последовательность двух кратких слогов³⁸.

Итак, описанная СС определяется одновременно двумя принципами: квантитативным и силлабическим, причем указанные принципы являются функционально различными и структурно неравноправными. Если в квантитативном принципе реализуется константность метрической структуры, то силлабический принцип определяет ритмическую вариативность. При этом силлабические правила соответствия не только менее жестки, но и подчинены квантитативным: вариативность силлабической структуры допускается лишь в той мере, в какой она не вступает в противоречие с квантитативной структурой стиха. Поэтому, когда мы называем эту СС **квантитативно-силлабической**, то для нас значимым оказывается не только состав предлагаемого термина, но и порядок следования его компонентов.

6.2.2. С''₂: Силлабо-квантитативный стих

Квантитативный и силлабический принципы могут между собой соотноситься и иначе. Так, в большинстве древнегреческих лирических размерах (например, эолийского происхождения), а также ведическом стихосложении фиксированным было, в первую очередь, именно количество слогов; квантитет же был подчинен силлабике и мог даже не распространяться на всю строку (согласно наиболее авторитетным реконструкциям таким было уже индо-европейское стихосложение: фиксированное число слогов в стихе сопровождалась в нем квантитативной урегулированностью окончания). Такую систему стиха (С''₂) будем

³⁸ То, что правила CR5 носят более естественный характер нежели CR5a, где не проведено разграничение между силлабическим и квантитативным принципами и не ясно, как это вообще может быть сделано, если не прибегать к циклическим процедурам, возможно означает, что в языках не моросчитающего ритма (даже в тех из них, в которых есть фонологически значимый квантитет) нет столь естественной базы для квантитативно-силлабического стихосложения, как в моросчитающих языках.

называть силлабо-квантитативной. Если ритмическая структура C''_1 образуется чередованием “неразложимой” долготы (позиции ‘А’), с “разложимой” (позиции ‘В’), то в C''_2 она образуется конфигурацией долгих и кратких слогов.

(CR6) I. *Силлабический принцип:*

(i) Каждой позиции А и В соответствует один слог;

II. *Квантитативный принцип:*

(ii) Каждой позиции А соответствует просодическая долгота;

(iii) Каждой позиции В соответствует просодическая краткость.

В сравнении с CR5 эти правила отличаются своей простотой, которая компенсирует большую сложность метрической схемы. В качестве примера рассмотрим сапфическую строфу, состоящую из трех сапфических 11-сложников (— ∪ — х — ∪∪ — ∪ — х) и 5-сложного адония (— ∪∪ — х):

*Ποικίλοθρον' ἄθανατ' Ἀφροδίτα,
καὶ Δίος δολόπλοκε, λίσσομαι σε,
μή μ' ἄσαισι μηδ' ὀνίαισι δάμνα,
πότνια, θῆμον*

— ∪ — х — ∪∪ — ∪ — х
— ∪ — х — ∪∪ — ∪ — х
— ∪ — х — ∪∪ — ∪ — х
— ∪∪ — х³⁹

³⁹ Здесь едва ли уместно заниматься подробным разбором метрической структуры сапфической строфы (ср. West 1987), наметим лишь контуры нашего подхода. Если считать сапфическую строфу одним метрическим рядом, то он может быть представлен следующим образом:

— ∪ — х — ∪∪ — ∪ — х — ∪ — х — ∪∪ — ∪ — х — ∪ — х — ∪∪ — ∪ — х — ∪∪ — х,

Нетрудно заметить чередование следующих последовательностей: — ∪ — х, — ∪∪ — ∪ и — х, нарушаемое лишь на стыке сапфического стиха с адонием, где “пропущена” последовательность — ∪ — х. Этот пропуск естественно интерпретировать в качестве вторичного делимитатора; обозначив эти цепочки символами А, В и С, получим: АВСАВСАВС(А)В.

6.2.3. C''_3 : Акцентно-силлабический стих

C''_3 , как и C'_{3a} , характеризуется конституирующей ролью акцентного принципа, однако, в отличие от C'_{3a} , силлабический состав междуударных интервалов не произволен, но урегулирован специальными правилами, специфичными для каждой из групп таких размеров. Так, в дольниках правила соответствия, определяющие силлабический состав стиха, аналогичны тем, которые были сформулированы для C''_1 , с тем однако различием, что в качестве стабилизирующего ритм параметра выступает не длительность, а ударение. Например:

(MS4) ...АВАВАВ...

(CR7) I. Акцентный принцип:

- (i) Позиции А из MS4 соответствует ударный слог;
- (ii) Позиции В из MS4 соответствует либо безударный слог, либо ударный слог одно- или двусложного слова.

II. Силлабический принцип:

- (iii) Каждой позиции А из MS4 соответствует один слог;
- (iv) Каждой позиции В из MS4 может соответствовать один или два слога.

В тактовике также действуют правила CR7 (i–iii), однако, (iv) принимает несколько иной вид:

(CR8) (iv) Позиции В может соответствовать последовательность из одного, двух или трех слогов.

Очевидно, что в стихосложении такого типа акцентный принцип превалирует над силлабическим.

6.2.4. C''_4 : *Силлабо-акцентный (силлаботонический) стих*

Иное соотношение этих же принципов характерно, например, для русского или эстонского силлаботонического стихосложения. C''_4 отличается от C''_3 , в первую очередь, большей силлабической определенностью: каждому символу А и В соответствует один и только один слог. Дело, однако, к этому не сводится: стабильность силлабического состава позволяет — в отличие от C''_3 — не акцентный принцип, а силлабический выполняет в C''_4 функцию ритмического стабилизатора.

(CR9) *I. Силлабический принцип:*

- (i) Каждой позиции А и В соответствует один и только один слог;

II. Акцентный принцип:

- (ii) Каждой позиции А соответствует безударный слог;
- (iii) Позиции В может соответствовать либо ударный, либо безударный слог.

Примечание: Под ударным слогом понимается ударный слог неодносложного слова; односложные слова могут приходиться на любую позицию.

6.2.5. C''_5 : *Акцентно-силлабо-квантитативный стих*

Рассмотренные CC'' основывались на использовании двух принципов: квантитативного и силлабического (6.2.1–6.2.2), и акцентного и силлабического (6.2.3–6.2.4). Возможны, однако, и реально встречаются системы стиха, основывающиеся на использовании всех трех названных принципов: и квантитативного, и силлабического, и акцентного. Например, именно так обстоит дело в системе эстонского гексаметра, теоретически и практически разрабатываемого А. Каалепом.

(MS2) &АВАВАВАВАВАВ&

(CR10) I. Акцентный принцип:

(i) Каждой позиции А из MS2 соответствует ударение;

II. Силлабический принцип:

(ii) Каждой позиции А из MS2 соответствует один слог;

(iiia) Позиции В из MS2 может соответствовать либо один слог, либо:

(iiib) Позиции В из MS2 может соответствовать два слога;

III. Квантитативный принцип:

(iv) Каждой позиции А из MS2 соответствует долгий слог;

(va) Позиции В из MS2 соответствует долгий слог, если (iiia);

(vb) Позиции В из MS2 соответствуют краткие слоги, если (iiib).

Например:

А В А В А В А В А В А В
 — ∪ — ∪ — — — — ∪ — ∪

Selge ja kuum oli päev. Eks laudast vankrile rammu...

Хотя психологически наибольшую важность представляет здесь квантитативный принцип, он оказывается зависимым от силлабического. Поэтому описанную СС следует назвать **акцентно-силлабо-квантитативной**.

Не следует думать, что значение описанной СС ограничивается лишь эстонским стихосложением. Достаточно близкими оказываются модели немецкого гексаметра, разрабатывавшиеся Ф. Г. Клопштоком и Й. Фоссом⁴⁰ (собственно говоря подход А.Каалепа может считаться дальнейшим развитием подхода

⁴⁰ Как известно, подходы Клопштока и Фосса были не просто различными, но и полемически друг против друга направленными: полемика касалась как подхода к квантитативному принципу, так и к акцентному. Но в главном они были едины: немецкий гексаметр должен учитывать как длительность, так и ударность (о силлабизме спор не шел, однако, очевидно, что в рамках обоих подходов выполнялось правило CR10 (ii)–(iii)).

Клопштока, однако, квантитет в эстонском имеет принципиально иную природу, нежели в немецком).

Еще более важным представляется то обстоятельство, что ударение, по-видимому, учитывалось во многих размерах аруза, например, в персидском эпическом размере мутакарибе, который может быть описан следующим образом:

(MS3) &ABBABBABBABB&

(CR11) *I. Силлабический принцип:*

(i) Каждому символу А и В соответствует один слог;

II. Квантитативный принцип:

(ii) Каждому символу А соответствует краткий слог;

(iii) Каждому символу В соответствует долгий слог;

III. Акцентный принцип:

(iv) Каждому символу В, следующему за символом А, соответствует ударность.

Примечание. В отличие от приводимых выше контекстно-свободных правил, правило CR (iv) носит контекстно-связанный характер.⁴¹

⁴¹ Следует отметить, что структура мутакариба в одном существенном отношении отличается от описанной структуры эстонского гексаметра: ударение служит в нем не дополнительному различению позиций различного типа, а дифференциации соседствующих позиций одного и того же типа. Возможно, поэтому и принципиально иное описание мутакариба, возводящее его не к MC^2 , но к MC^3 :

(MS4) &ABCABCABCABC&

(CR00) (i) Каждому символу А, В и С соответствует один слог;

(ii) Каждому символу А соответствует краткий слог;

(iii) Каждому символу В и С соответствует долгий слог;

(iv) Каждому символу В соответствует ударность.

Какое из приведенных описаний следует предпочесть, является, в значительной мере делом вкуса; для сколько-нибудь аргументированного спора на эту тему следовало бы предварительно проанализировать всю систему, по крайней мере, персидского аруза. Нам же, исходя лишь из общих соображений, предложенное в основном тексте описание представляется более предпочтительным.

Т.е. структура мутакариба может быть выражена следующей схемой:

○ — — ○ — — ○ — — ○ — —

Следует ли на основании предложенного описания относить мутакариб к силлабо-квантитативно-акцентной СС судить рано.⁴²

6.3. Правила соответствия на более высоких уровнях

Центральным звеном предлагаемого нами подхода к проблеме СС являются правила соответствия, связывающие метрические структуры с единицами языка. Все рассмотренные выше правила соответствия касались лишь элементарных метрических сущностей; естественно возникает вопрос о корреляции единиц более высоких уровней. Поскольку эта проблема не имеет решающего значения для теории и систематики СС, мы коснемся ее лишь самым поверхностным образом.

Границы стопы в МС² специальными языковыми сигналами как правило не маркируются. Тем не менее здесь есть несколько знаменательных исключений. Наиболее простым случаем представляется “кольцовский” пятисложник в русской поэзии: эта стопа обязательно выделяется словоразделами; ее схема:

&AABAA&
#xxxXx#,

(где # — словораздел, X — произвольный слог, а X — ударный слог).

Более того, отмечается очень отчетливая тенденция, согласно которой каждой стопе кольцовского 5-сложника соответствует синтагма (т.е. границы ее следовало бы отмечать значком ##).

Интереснее обстояло дело в античном стихосложении, гораздо более чутком к стопоразделам, нежели все новоевропейские. Граница стопы могла отмечаться требованием *несовпа-*

⁴² Не вполне ясен, в частности, сам статус акцента в мутакарибе: является ли он лингвистическим или музыкальным. В последнем случае он (как и музыкальные икты в античном стихе) вообще не должен учитываться при метрическом анализе.

дения ее со словоразделом; отсюда разделение словоразделов на цезуры, “разрезающие” стопы, и диерезы, совпадающие с ее границей.

Различные морфонологические явления на границах полустиший и стихов были описаны Е. Куриловичем (Kurjłowicz 1975).

6.4. Проблема непросодического стихосложения

Все рассмотренные выше СС основывались на отображение метрических сущностей в элементах просодической системы ЕЯ. Теперь возникают следующие вопросы: во-первых, возможно ли их отображение в элементах иных ЕЯ страт и, во-вторых, если да, то следует ли считать такие соответствия “СС-образующими”?

На первый из этих вопросов следует дать безусловно положительный ответ: существуют многочисленные примеры кодирования метрической информации не просодическими средствами, причем средства эти могут относиться и к фонематической, и к грамматической, и к семантической страте. Сложнее обстоит дело со вторым вопросом и он будет обсужден ниже.

6.4.1. Формы фонемического кодирования метрической информации и проблема межуровневых соответствий

6.4.1.1. Рифма

Одной из наиболее распространенных форм, образуемых в результате отображения метрических сущностей на фонемические, является рифма. Более того, с точки зрения метрической информации, рифма может выполнять двоякую функцию: во-первых, отмечать границу некоторой метрической единицы (это, так сказать, морфологическая функция рифмы) и, во-вторых, сочленять такие единицы в единства более высокого уровня (это своего рода рифменный синтаксис). Уже наиболее распространенный способ фиксации рифменных схем недвусмысленно свидетельствует об их метрической основе: так, 4-стишие АВАВ явно относится к МС² и т.п.

Следует, однако, иметь ввиду, что сказанное является справедливым в первую очередь лишь для рифмы в европейской

поэтической традиции нового времени — метрические функции возможны для рифмы, но отнюдь не обязательны. Рифма может встречаться в прозе и даже регулярно, есть даже термин рифмованная проза (правда иногда им обозначают не прозу, а раешник, т.е. свободный рифменный стих). В прозе, разумеется, нет речи о метрической функции рифмы, она выполняет лишь эвфоническую функцию; то же самое следует сказать о тех нерегулярных внутренних рифмах в поэзии, которые не связаны с определенной метрической позицией. Во многих формах, встречающихся в арузе (ср., например, газель), рифма лишь маркирует окончание метрического ряда, но не связана со строфикой.

В заключение отметим любопытную закономерность, которая, однако, не носит абсолютного характера: рифма в качестве метрического фактора встречается преимущественно в СС, так или иначе использующих акцентный принцип; в СС же, основанных на квантитете не подкрепляемым ударением, рифма — редкость.

6.4.1.2. Аллитерация

Аллитерация, как и рифма, может быть связана с метрикой, а может и не быть. Так, то, что называется аллитерацией в русской, а также в современной английской или немецкой поэзии есть лишь не обязательный с метрической точки зрения повтор согласных звуков, т.е. явление чисто эвфоническое.

Другой тип аллитерации представлен в фольклорном стихосложении прибалтийско-финских народов: хотя позиция аллитераций не фиксирована, само ее наличие является обязательным. Обычно такая аллитерация выполняет с точки зрения метрической структуры лишь “морфологические” функции, фиксируя целостность метрического ряда: в каждом стихе своя аллитерация, однако, иногда аллитерация связана с формированием надстиховых образований (Лютман 1985). В эстонской поэтической традиции аллитерация обычно называется начальной рифмой (*algrim*); при этом имеется ввиду, что она приходится на начало слова (в прибалтийско-финских языках ударение фиксировано на первом слоге). Принципиально иная форма аллитерации, также иногда именуемая начальной рифмой, встречается в

различных формах тюркского народного стиха; она отмечает начало метрического ряда (стиха). В древнегерманском стихосложении также фиксировалось не только наличие аллитерации, но, в определенных пределах, и ее позиция (наиболее распространенная схема — два аллитерирующих слова в первом полустишии, одно — во втором). Аллитерация является психологически столь важным фактором этого стиха, что иногда его и называют аллитерационным. Однако, и в древнегерманском стихосложении аллитерация выполняет лишь “морфологические” функции. Наиболее, вероятно, сложную в истории мировой поэзии форму звуковой организации демонстрирует средневековая кельтская (и, в первую очередь, валлийская) традиция, где система фонематических корреспонденций образует сложную структуру как внутрстиховых, так и межстиховых повторов.

О том, что аналогичного рода построения являются возможными и в современной поэзии свидетельствует хотя бы уже приводимое в качестве примера стихотворение Артура Алликсаара *Traakia maagia*. Выше (ср. 6.1.4) размер его был определен как четырехстопный *vers libre*; хотя это определение в первом приближении и представляется справедливым, однако, же его следует признать совершенно недостаточным. Каждое 4-стишие этого стихотворения характеризуется сквозным звуковым повтором, приходящимся на слоги, несущие основное ударение⁴³, причем каждая из четырех фраз, составляющих в совокупности стих, содержит, по крайней мере, два таких повтора. Следует обратить внимание и на просодические характеристики повторяющегося звукового комплекса: в большинстве случаев дело идет о сверхдолгих слогах (т.е. слогах, характеризующихся третьей степенью долготы). Если оставить в стороне спорную проблему односложных слов, которые в традиционной грамматике все считаются сверхдолгими, в эстонском языке сверхдолгие слоги образуются исключительно в ударной позиции либо сверхдолгими гласными (ср. I строфу со сверхдолгими ‘u’; V строфа характе-

⁴³ В эстонском языке слова, образованные в результате словосложения, пишутся слитно, но, как правило, сохраняют все основные ударения на корневых морфемах, ср. ‘Muundsuund’ (один из многочисленных неологизмов Алликсаара, означающий что-то вроде ветра переменного направления) и т.п.

ризуется сверхдолгими ‘o’, VI — ‘i’, VIII — ‘d’ и IX — ‘e’) или дифтонгами (ср. III строфу с ‘ae’, IV — с ‘xu’ и VII — с ‘au’), либо геминацией согласных. Любопытно, что языкотворчество Алликсаара не ограничивается лексической сферой, но охватывает все слои языка, включая его просодику. Так, он создает псевдодифтонги типа ‘ih’ во II строфе (‘uh’ — в XI, ‘ah’ — в XII и ‘ast/est’ — в X), что в ряде случаев деформирует нормальное слогоделение: в обиходной речи первый слог слова *tihane* ‘ti-’ относится к первой ступени долготы (т.е. является кратким); контекст же стихотворения заставляет предположить, что Алликсаар имеет ввиду иное, аномальное слогоделение, образующее, по аналогии со слогом ‘tīh-’ в слове *tihkuv*, слог ‘tīh-’ и в слове *tihane*⁴⁴.

В 6.4.1.1. мы отметили наличие определенной корреляции между рифмованностью и использованием акцентного принципа в стихосложении. Нередко высказывалось и мнение, что аллитерация также связана с ударением. Хотя, в принципе, наличие такой связи отрицать не имеет смысла, не только более неожиданной, но и более тесной оказывается корреляция аллитерации с квантитативным принципом (Лотман 1985). Так, когда в германском стихе акцентный принцип вытеснил остатки квантитативной урегулированности произошел переход и от аллитерационного стиха к рифменному. В какой-то мере аналогичное развитие произошло и в эстонском народном стихосложении: в поздних его формах квантитативная форма урегулированности заменяется тонической и, одновременно с этим, рифма приходит на смену аллитерации⁴⁵.

⁴⁴ Любопытно и то, что, как и у Хлебникова, многие новации Алликсаара имеют отчетливый проивкус архаизма; так в старой эстонской орфографии вполне возможно было написание типа ‘tīhhane’.

⁴⁵ Любопытно, что такой рифмованный (силлабо-)тонический стих, основу которого составляет расшатанный четырехстопный хорей, называется *vemmalvärss*, что означает буквально то же самое, что и *Knittelvärss* (является ли это совпадение случайным, или же эстонское название есть калька с немецкого — выяснить пока не удастся).

*6.4.2. Проблема кодирования метрической информации
грамматическими средствами⁴⁶*

Проблема синтаксической просодии периодически возникает на периферии стиховедения, однако, она еще не становилась предметом целенаправленного исследования; не было и попыток систематизации или хотя бы обозрения соответствующих явлений.

Внимание исследователей чаще всего сосредоточивалось на различных явлениях синтаксического параллелизма. Так, В. М. Жирмунский неоднократно высказывал убеждение, что синтаксический параллелизм является исключительно значимой формой, как в типологическом, так и историческом аспекте, поскольку из него развились многие формы регулярного стиха и, в первую очередь, силлабическое стихосложение и рифма (Жирмунский 1964а).

Другую форму синтаксической просодии описал К. Ф. Тарановский в своем исследовании форм церковнославянского и древнерусского стиха (Тарановский 1968); выше (ср. 6.1.4.) мы предложили интерпретировать его трактовку древнерусского стиха в качестве двустопного *vers libre*. Очевидно, однако, что сам К. Ф. Тарановский имел в виду иное: просодические характеристики текста определяются его синтаксической структурой. Подход К. Ф. Тарановского вызвал многочисленные полемические отклики, из них наиболее принципиальными представляются возражения А. М. Панченко и, особенно, М. Л. Гаспарова (Панченко 1973, Гаспаров 1989). Смысл этих возражений сводится к тому, что указанная форма вообще не является стихом, особенно показательна с точки зрения М. Л. Гаспарова связь ее с пословицами. Попытки выявления и описания особого пословичного размера “паремийника” предпринимались неоднократно и в сфере античной словесности, однако, все они завершились неудачей. Вероятнее всего дело идет просто об одной из естественных форм расположения речевого материала. Все же такой вывод представляется нам несколько преждевременным: пословицы различных народов вовсе не являются

⁴⁶ Здесь, как и всюду в настоящей работе, сфера грамматики трактуется в широком смысле, как включающая морфологию и синтаксис.

в интересующем нас отношении чем-то однородным. Названная форма зафиксирована пока лишь у индоевропейских народов. Например, такая структура в целом не характерна для эстонских пословиц, многие из которых обнаруживают родство с руническим стихом: аллитерации, остатки метрической структуры. Форма принципиально иная, но связь со стихотворной организацией наличествует и здесь. Нельзя говорить и об общих ритмических тенденциях у пословиц всех индоевропейских народов. Думается, что именно восточнославянская традиция представляет в этом смысле наибольший интерес, поскольку здесь наблюдается отчетливая тенденция к рифменной поддержке соразмерных кусков. Если каждый из этих принципов в отдельности и не является достаточным для того, чтобы с уверенностью говорить о стихотворности соответствующих форм, то сочетание, напротив, заставляет с известной долей скепсиса относиться к их прозаической трактовке.

Примечательно, что именно М. Л. Гаспаров, который как будто отказывался признавать возможность синтаксической просодии в принципе, недавно описал форму, которую он определил как синтаксический логгаэд: единственной формой урегулированности этого стиха, который, очевидно, большинство исследователей сочли бы просто разновидностью *vers libre*, является точное повторение из стиха в стих конфигурации различных частей речи (Гаспаров 1993); очевидно, что и этот стих имеет прямое отношение к синтаксическому параллелизму.

6.4.3. Проблема семантической просодии

Еще проблематичнее обстоит дело с семантической просодией, вопрос о которой обычно поднимается при описании различных форм архаического стихосложения. Таким образом могут быть, например, интерпретированы различные формы тавтологического и психологического параллелизма, описанные А. Н. Веселовским (Веселовский 1940); по мнению же В. Я. Брюсова (Брюсов 1900) русский былинный стих основывался на счете образов, т.е. семантических единиц. Современная постановка вопроса содержится в короткой публикации М. И. Лекомцевой (Лекомцева 1973):

Анализ некоторых стихотворений показывает, что единицы глубинной структуры стиха соответствуют единицам “семантической метрики”, т.е. может существовать определенная закономерность в количестве единиц глубинной структуры, приходящихся на строку, строфу и стихотворение в целом. Распределение в стихе синонимов, антонимов, гипонимов и их транзитивных коррелятов показывает, что в стихе возможна регулярная семантическая рифма. /.../ Описание распределения семантических параметров в стихе дает возможность изучать способы “семантической инструментовки” стиха и определять основные фигуры, которые образуют единицы плана содержания в данном поэтическом тексте. /.../ План содержания может быть организован метрически и рифмически, а план выражения как *vers libre* — примером тому, по-видимому, будет древнеегипетская поэзия. (Лекомцева 1973, 167)

Для иллюстрации сказанного не обязательно обращаться к древнеегипетскому материалу; ограничимся лишь одним примером из русской поэзии. Стихотворение Мандельштама “Там, где купальни, бумагопрядильни...” (1932) написано 4-стишиями со схемой рифм *AbAb*. Исключение составляет 3-я строфа, в которой клаузулы первого и третьего стихов фонически не корреспондируют, т.е. схему этой строфы следовало бы обозначить *XaXa* (где *X* — холостые рифмы). Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что дело обстоит несколько более сложным образом.

У реки *Оки* вывернуто *веко*,
 Оттого-то и на Москве ветерок.
 У сестрицы Клязьмы загнулась *ресница*,
 Оттого на Яузе утка пльвет.

Все стихотворение представляет собой как ряд метонимических перестановок, базирующихся как на семантических, так и чисто звуковых ассоциациях (ср. Лотман 1979), причем звуковые и смысловые отношения как бы меняются местами. Так, 1-й стих содержит скрытый каламбур “Ока — око”; именно на нем основывается смысловой повтор “око — веко”, строящийся по принципу аллитерации; семантическая же связь между 1-м и 3-м стихами “веко — ресница” строится по принципу рифмы. Поэтому можно сказать, что и это 4-стишие строится в соответствии со схемой *AbAb*, с той лишь разницей, что четные стихи рифмуются фонически, а нечетные — семантически.

Не трудно представить себе текст, в котором стихи “рифмуются” лишь семантически.

* * *

В заключение вернемся к вопросу о том, в какой мере рассмотренные в этом разделе формы могут быть поставлены в общий ряд с СС, описанными в предыдущих разделах. Думается, что однозначный ответ на него, по крайней мере в настоящее время дан быть не может: одни и те же формы воспринимаются по-разному не только в различных традициях, но и в различных областях и в различные периоды в рамках одной и той же традиции. Так, наличие рифмы в свободном стихе, по мнению ряда исследователей, приводит образованию иной по сравнению с *vers libre* метрической формы: свободный рифменный стих (в русской поэзии наиболее распространенная его форма — раешник)⁴⁷; в настоящее время как будто считается очевидным, что пятистопный ямб является одним и тем размером как в своей рифмованной, так и безрифменной разновидности, однако, например, в английской поэзии XVI века этот вопрос ставился иначе, более того, белый стих мог считаться более сложной и изощренной формой, нежели рифмованный.

Заключительные замечания

Целью настоящей работы был анализ понятия ‘система стихосложения’ с точки зрения современного стиховедения и систематизация СС. В отличие от рассмотренных публикаций Я. Пыльдымя, Б. Ф. Егорова и Б. Я. Бухштаба, мы не задавались целью исчисления всех СС а priori возможных в поэзии некоторого языка, ни, тем более, возможных вообще. Тем не менее, имеет смысл привести список основных СС:

1. Чисто-квантитативный стих;

⁴⁷ Напомним, что Б. Ф. Егоров в своем исчислении СС считал наличие/отсутствие рифмы столь же релевантным фактором, как и урегулированность силлабического состава или распределение ударений (Егоров 1973).

2. Силлабический стих;
3. Акцентный стих;
4. Свободный стих;
5. Силлабо-квантитативный стих;
6. Квантитативно-силлабический стих;
7. Акцентно-силлабический стих;
8. Силлабо-акцентный стих;
9. Акцентно-силлабо-квантитативный стих.

Список этот заведомо не полон: нет в нем различных разновидностей акцентного и свободного стиха, возможно имеет смысл выделение квантитативно-силлабо-акцентного и т.п. СС. Универсализм предложенного подхода в другом: он позволяет производить эффективный анализ любых форм стихосложения, а каждой из проанализированных форм найти ее естественное место в ряду других СС.

Литература

- Ахманова О. С. (сост.) 1966. *Словарь лингвистических терминов*. Москва.
- Беляев В. Ф. (сост). 1966. Приложение: Основная терминология метрики и поэтики. В: Ахманова 1966.
- Брюсов В. Я. 1900. О русском стихосложении. — А. Добролюбов. *Собрание стихов*. Предисловие В. Я. Брюсова и И. Коневского. Москва.
- Брюсов В. Я. 1919. *Краткий курс науки о стихе*. Ч. 1. *Частная метрика и ритмика русского языка*. Москва.
- Брюсов В. Я. 1924. *Основы стиховедения*. Ч. 1–2. *Общее введение, метрика и ритмика*. Москва.
- Бухштаб Б. Я. 1969. О структуре русского классического стиха. — *Труды по знаковым системам IV*, Тарту.
- Бухштаб Б. Я. 1973. Об основах и типах русского стиха. — *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, XVI.
- Веселовский А. Н. 1940. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля. — А. Н. Веселовский. *Историческая поэтика*. Ленинград.
- Востоков А. 1817². *Опыт о русском стихосложении*. Санкт-Петербург.
- Гаспаров М. Л. 1974. *Современный русский стих. Метрика и ритмика*. Москва.

- Гаспаров М. Л. 1984. *Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика*. Москва.
- Гаспаров М. Л. 1989. *Очерк истории европейского стиха*. Москва.
- Гаспаров М. Л. 1993. Синтаксические логазды (тезисы). — *Русский авангард в кругу европейской культуры*. Москва.
- Гаспаров М. Л. и др. 1987. М. Гаспаров, М. Лотман, П. Руднев, М. Тарлинская. Проблемы стиховедения в работах Я. Р. Пыльдымяз. — *Studia metrica et poetica (Poeetiliste süsteemide dünaamika)*. Acta univ. Tartuensis 780. Tartu.
- Гиндин С. И. 1970. Трансформационный анализ и метрика (из истории проблемы). — *Машинный перевод и прикладная лингвистика*, вып. 13, Москва.
- Егоров Б. Ф. 1973. Аксиоматическое описание русских систем стихосложения. — *Искусство слова*. Москва.
- Жирмунский В. М. 1921. *Композиция лирических стихотворений*. Петроград.
- Жирмунский В. М. 1925. *Введение в метрику. Теория стиха*. Ленинград.
- Жирмунский В. М. 1964. Стихосложение Маяковского. — *Русская литература*, № 4.
- Жирмунский В. М. 1964а. Ритмико-синтаксический параллелизм как основа древнетюркского народного эпического стиха. — *Вопросы языкознания*, № 4.
- Жолковский А. К. 1962. Совецание по изучению поэтического языка. — *Машинный перевод и прикладная лингвистика*, вып. 7, Москва.
- Золян С. Т. 1976. К созданию порождающей модели армянского стихосложения. — *Проблемы стиховедения*. Ереван.
- Курилович Е. 1962а. Связь метрики с разговорным языком. — *Очерки по лингвистике*. Москва.
- Курилович Е. 1962б. Принципы латинской и германской метрики. — *Очерки по лингвистике*. Москва.
- Левый И. 1974. *Искусство перевода*. Москва.
- Лекомцева М. И. 1973. О метрической организации и рифме плана содержания поэтического текста. — *Сборник статей по вторичным моделирующим системам*. Тарту.
- Леонтьев А. А. 1978. Поэты и поэтика. — *Литературная учеба*, №4, с. 167–172.
- Лотман М. 1974. О взаимоотношении естественного языка и метрики в механизме стиха. — *Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам*. Тарту.
- Лотман М. 1976. Гексаметр. (Общая теория и некоторые аспекты функционирования в новых европейских литературах). — *Studia metrica et poetica*, I [УЗ ТГУ, 396], Тарту, с. 31–54.

- Лотман М. 1979. О соотношении звуковых и смысловых жестов в поэтическом тексте. — *Труды по знаковым системам*, 11 [УЗ ТГУ, 467], с. 98–119
- Лотман М. 1982. О системах стихосложения в русском стихе. — *Учебный материал по теории литературы*. Таллин, ТПедИ, с. 83–87.
- Лотман М. 1985. Стихосложение эстонской народной поэзии в типологическом аспекте. — *Слово в нашей речи '85*. Рига.
- Лотман М. 1995. Русский стих: основные размеры, входящие в европейский метрический фонд. — *Słowiańska metryka porównawcza VI. Europejskie wzorce metryczne w literaturach słowiańskich*. Warszawa.
- Лотман М. и С. Шахвердов 1973. Некоторые аспекты теории стиха. — *Сборник статей по вторичным моделирующим системам*. Тарту.
- Недоброво Н. В. 1912. Ритм, метр и их взаимоотношение. — *Труды и дни*, № 2.
- Панченко А. М. 1973. *Стихотворная культура XVII века*, Ленинград.
- Папаян Р. А. 1972. Сдвиги силлабических констант в стихе западно-армянских поэтов. — *Quinquagenario. Сборник статей молодых филологов к 50-летию проф. Ю. М. Лотмана*. Тарту.
- Папаян Р. А. 1980. *Сравнительная типология национального стиха*. Ереван.
- Поливанов Е. Д. 1963. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники. — *Вопросы языкознания*, № 1, с. 99–112.
- Пыльдяэ Я. 1970. О типологии систем стихосложения. — *Тезисы докладов 4-й Летней школы по вторичным моделирующим системам*. Тарту.
- Тарановский К. Ф. 1968. Формы общеславянского и церковно-славянского стиха в древнерусской литературе XI–XIII веков. — *American Contributions of the 6th International Congress of Slavists. I Linguistic Contributions*. The Hague.
- Тимофеев Л. И. 1928. Силлабический стих. — *Ars poetica*, вып. II, Москва.
1958. *Очерки теории и истории русского стиха XVIII–XX вв.* Москва
- Томашевский Б. В. 1957. Рецензия на книгу: В. О. Unbegaun. *Russian Versification*. — *Вопросы языкознания*, № 3.
1959. *Стих и язык. Филологические очерки*. Москва–Ленинград.
- Трубецкой Н. С. 1960. *Основы фонологии*. Москва.
- Холшевников В. Е. 1968. Русская и польская силлабика и силлаботоника. (К проблеме “Стих и язык”). — В. Е. Холшевников. *Стихovedение и поэзия*, Ленинград, 1991 [Впервые в: *Теория стиха*. Ленинград, 1968].
- Шаловалов В. 1978. Из наблюдений над стихом современной киргизской поэзии. — *Взаимосвязи и взаимодействия художественных культур народов СССР и киргизская литература*. Фрунзе.
- Якобсон Р. 1923. *О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским*. Москва–Берлин.

- Hobsbaum Ph. 1996. *Metre, Rhythm and Verse Form*. London and New York
- Horváth J. 1969². *Rendszerez magyar vers*. Budapest.
- Jakobson R., Lotz J. 1941. *Axiomatik eines Verssystems am mordwinischen Volkslied dargelegt*. Stockholm.
- Keith A. 1953. *A History of Sanskrit Literature*. Oxford–London.
- Kyparsky P. 1989. Sprung Rhythm. — *Phonetics and Phonology, vol. 1: Rhythm and Meter*.
- Kuryłowicz J. 1975. *Metrik und Sprachgeschichte*. Wrocław etc.
- Leino P. 1979. Suomen kielen systeemit ja mittatyytit. *Virittäjä*, #83.
- Leino P. 1982. *Kieli, runo ja mitta. Suomen kielen metriikka*. Pieksämäki.
- Leino P. 1986. *Language and Metre. Metrics and the Metrical System of Finnish*. [Studia Fennica. Review of Finnish Linguistics and Ethnology, #31, Helsinki.
- Lotz J. 1960. Metric Typology. — *Style in Language*. Ed. T. A. Sebeok (New York, London) pp. 135–48.
- Levin S. R. 1962. *Linguistic Structures in Poetry*. The Hague.
- Liberman M. and A. Prince 1977. On Stress and Linguistic Rhythm. — *Linguistic Inquiry*, #8.
- Meyer W. 1905–36. *Gesammelte Abhandlungen zur mittellateinischen Rhythmik*. Bd. I–III, Berlin.
- Pighi G. B. 1970. *Studi di ritmica e metrica*. Torino.
- Pike K. L. 1946. *The Intonation of American English*. Ann Arbor.
- Princeton 1985. *The Princeton Handbook of Poetic Terms*. Ed. by A. Preminger et al. Princeton N. J.
- Prince A. 1989. Metrical Forms. — *Phonetics and Phonology, vol. 1: Rhythm and Meter*.
- Pöldmäe J. 1978. *Eesti värsiõpetus. Monograafia*. Tallinn.
- Scherr B. 1986. *Russian Poetry: Meter, Rhythm, and Rhyme*. Berkeley etc.
- Teeuw A. 1952. *Taal en versbouw*. Djambatan, Amsterdam.
- West M. L. 1987. *Introduction to Greek Metre*. Oxford.

On systems of versification (mostly in Russian and Estonian poetry)

The concept of a versification system is in the theory of verse one of the most fundamental notions, but, at the same time, out of date. So, it is no wonder that researchers of verse avoid it in their studies. The purpose of the present work is to provide a treatment of systems of versification, which be contextual with contemporary theory of verse, above all with the one oriented towards generative metrics. In the traditional theory of verse the position of systems of versification is vague. On the one hand they are

treated before metrics, e.g., system of versification is a more general category than verse metre, On the other hand it seems to be more substantial, as it is connected with a given language and its prosody (cf., e.g., Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics).

In the present work systems of versification are treated as correspondance between metre and prosody of language, e.g., a system of versification proceeds from metrics and forms the prosody of verse, transforming prosody of language. That explains, why the prosody of verse is different from that of language. System of versification is not an elementary concept. It consists of principles, which can be interpreted as differential elements of the system of versification. E.g., if syllables are put into correspondance with elements of metrics, then we are dealing with the syllabic principle, if durations, then we are dealing with the quantitative principle. In this way systems of versifications like syllabic-quantitative or syllabic-durational-tonic are formed. Such a treatment explains, how the same verse metres, e.g. iambus and hexametre can appear in completely different languages.

On the one hand the work is oriented towards the general theory of verse, i.e. is of a deductive nature, exposition is developed from general to particular, from abstract to substantial. On the other hand it is oriented towards describing particular forms and their typology, i.e. an inductive approach is considered as well.

Värsisüsteemidest (peamiselt eesti ja vene värsi näitel)

Värsisüsteemi mõiste on värsiteoorias üks fundamentaalsemaid, kuid samal ajal vananenud, nii et pole ime, et värsiuurijad stuudiumites väldivad seda. Käesoleva töö eesmärk on anda värsisüsteemide käsitlus, mis oleks kontekstis nüüdisaegse värsiteooriaga, ennekõike sellisega, mis on orienteeritud generatiivsele meetrikale. Traditsioonilises värsiteoorias on värsisüsteemide koht ebamäärane. Ühelt poolt käsitletakse neid enne meetrikat, st. et värsisüsteem on värsimõõdust üldisem kategooria, teiselt poolt aga tundub, et see on palju konkreetsem, kuna on seotud antud keele ja selle prosoodiaga. Ingliskeelses traditsioonis värsisüsteem ongi prosoodia osa (vrđl. nt. Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics).

Käesolevas töös käsitletakse värsisüsteemi kui vastavust (funktsiooni) meetrumi ja keele prosoodia vahel, st. et värsisüsteem lähtub meetrikast ja formeerib värsiprosoodiat, transformeerides keeleprosoodiat. See seletab,

miks värsiprosoodia erineb keele omast. Värsisüsteem ei ole elementaarne mõiste. Ta koosneb põhimõtetest, mida võib interpreteerida kui värsisüsteemi diferentsiaalelemente. Nt. kui meetrika elementidega pannakse vastavusse silbid, on tegu silbilise põhimõttega, kui pikkused, siis kvantitatiivsega. Põhimõtted võivad kombineeruda. Nii tekivad sellised värsisüsteemid, nagu *silbilis-vältelised* või *silbilis-vältelis-rõhulised*. Selline käsitus seletab, kuidas ühed ja samad värsimõõdud, nt. jamb, heksameeter jms. võivad esineda täiesti eri tüüpi keeltes.

Töö on ühelt poolt orienteeritud üldvärsiteooriale, st. on deduktiivse iseloomuga, esitus areneb üldiselt üksikule, abstraktselt konkreetsele. Teiselt poolt on ta orienteeritud konkreetsete vormide kirjeldamisele ja nende tüpoloogiale, osutudes siin mugavaks ja efektiivseks, st. silmas on peetud ka induktiivset lähenemist.